

Артур
Болен

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур Болен Лиззи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67359801

SelfPub; 2022

Аннотация

40-летний «авторитет» подводит неутешительные итоги своей жизни. Семьи нет, друзья погибли на «фронтах» бесконечной криминальной войны. Спасение он ищет в деревне своего детства и там встречает 14-летнюю девочку Лизу, которая навсегда меняет его судьбу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1 глава	4
2 глава	9
3 глава	18
4 глава	30
5 глава	42
6 глава	77
7 глава	101
8 глава	116
9 глава	122
10 глава	135
11 глава	144
12 глава	149
13 глава	167
14 глава	171

Артур Болен

Лиззи

1 глава

Где-то к началу нулевых я был уже богат. Мне удалось наладить кое-какие связи с Прибалтикой, остались дружба-ны из спорта, которые хорошо сидели на цветных металлах в России, супруга-израильтянка свела вовремя с нужными людьми и – дела круто пошли в гору. В 90-х еще можно было грести деньги как фантики, если вы понимаете, о чем я говорю. Ну, конечно, при этом голова на плечах должна быть покрепче, чем бицепсы, а о нервах лучше и вовсе забыть.

Я всегда помнил фразу Фицджеральда: «Богатые люди не такие, как мы с вами», и был сильно удивлен, что не обнаружил в себе никаких перемен, нарисовав шестой нолик в банковских реквизитах. Наверное, так же чувствует себя альпинист, который залез на вершину неприступной горы и увидел там свалку бытовых отходов. Вообще-то деньги мне не нужны. Я не совсем понимаю, что с ними делать. Просто я в ту пору жил среди людей, которые стали внезапно богаты и бросился за ними в погоню. Поскольку в прошлом я был спортсменом, азарт захватил меня, а самолюбие просто взбесилось. Я должен быть первым и – точка. Второй – уже

неудачник. Ниже смотреть я себе запретил. Так мы и бежали наперегонки. Если кто-то покупал новую машину – другие покупали дороже. Если дом с колоннами, то и все дом с колоннами, а то и с бассейном. Зачем нам это было надо? Лично мне надо было, чтобы Серега скрипел зубами от зависти. Серега – это мой друг по спорту. Мы с ним еще на татами соперничали. То он меня, то я его. Он первый среди нас купил дом в Испании. Я уже присматривал что-нибудь по соседству, как Серегу убили. Как-то очень буднично убили, словно все к тому шло. Серым осенним вечером Серега вышел из парадной дома, что на Таврической, чтобы отправиться в баню, которую он обожал с детства. К нему подошел человек в черной куртке и отправил к праотцам двумя выстрелами в лицо. Я как будто споткнулся на стометровке. Тело Сереги лежало в гробу, утопая в венках, а я как раз накануне собирался показать ему новеньки Харлей, который прибыл из США. Помню весь день у меня в голове издевательски звучала песенка из мультика: «не думал не гадал он, никак не ожидал он, такого вот конца». Жена сказала вечером за ужином, что Серега сам виноват был, ходил без охраны, вот и поплатился. Такая вот эпитафия на могиле: «Он ходил без охраны».

Что бы не впасть в депрессию, я купил себе дом в Репино. Унитаз, правда, у меня был не золотой, как пишут в фельетонах. Все-таки вкус у меня был. Был и здравый смысл. Когда пришел черед рисовать седьмой нолик в банке, сразу три

моих товарища отчалили в гробах из красного дерева в мир иной. Один ушел, как викинг, отстреливаясь от собственной охраны в питерских дворах до последнего патрона; другой был замучен в собственном доме на Кипре; а третий умирал страшно и мучительно в собственной постели: ходили слухи, что комитетские напоили его чаем с какой-то дрянью от болезни спинного мозга. Я успел увидеть его еще живым. Хотел услышать его последние слова. Ведь не даром говорят, что они самые важные в жизни человека. Так вот, этот не сказал ничего. Он просто смотрел на меня широко раскрытыми от боли глазами. И я понял, что сказать ему было нечего. Как и мне ему.

В предельно короткие сроки я закрыл свои дела. Пусть и с большими потерями, включая разъяренную супругу, которая ушла, захватив с собой все, что могла унести, с прощальным напутствием: «Ну и черт с тобой, малохольный! Смысл жизни ищи без меня!» Зато живой и на свободе.

Как в детской присказке говорится: «Куда пойти, куда податься? Кого найти, кому отдаться?». Я не меланхолик, к депрессиям не склонен. Просто обладая некоторой наблюдательностью, я заметил, что человек в России в среднем доживает лет до семидесяти. Редко до восьмидесяти. За восьмым десятком человек просыпается и думает: «ни фигя себе! Я жив. Пожалуй, обойдусь сегодня без слабительного. Лучше попробую сделать клизму, если доползу до унитаза». Мне было сорок. Значит, я мог рассчитывать в лучшем слу-

чае на тридцать лет более-менее полноценного существования, когда восход солнца еще что-то обещает, а на закате хочется позвонить другу и спросить: «слушай, а ты помнишь такую белобрысенькую в нашем пионерском лагере, с толстыми титьками? Я бы ей вдул сейчас!». Тридцать лет – это пустяк! Попробуйте сосчитать до тридцати, и вы поймете, о чем я. Земля тридцать раз обернется вокруг солнца, а вы даже не заметите этого. А если заметите – легче не станет. Я всегда завидовал пигмеям в джунглях, ведь они не знают сколько им лет, а следовательно, не ведают, когда приходит срок отправляться в мир теней. В любом случае, дорожить нужно каждым днем. Кому-то это покажется полной херней, но меня эти мысли торкают и очень сильно. Я всегда мечтал стать не просто успешным, но именно счастливым человеком. В этом вопросе у меня с Серегой были серьезные разногласия. Он не понимал, что такое счастье. Он забыл, как мы варили с ним пшеничную кашу в котелке, когда путешествовали в детстве на великах по Псковской области. Забыл, как мечтали ночью в палатке, как поступим в морское училище и будем ходить по Невскому проспекту в бушлатах, и все девчонки будут восхищенно глазеть на нас и улыбаться, как признавались друг другу в любви и дружбе. А я помнил. И когда я напоминал ему об этом, а он зевал равнодушно и спрашивал: «ну и что?», на меня обрушивалось ощущение громадной потери. Как ну и что? Да ведь это самое драгоценное, что было в нашей жизни! Забыть? А что взамен?! Жена

считала, что взамен – карьера и весь мир! Но я прекрасно помнил, что весь мир принадлежал мне как раз в детстве!

Меня всегда удивляли люди, которые фанатично коллекционировали фантики, или марки, или значки. Или деньги. Уверяю всякого, кто хочет найти счастье в деньгах – и не пытайтесь. Деньги – это всего лишь деньги. На них можно купить самый лучший в мире пароход, на них можно купить зависть друзей и уважение врагов, но – ни капельки хотя бы малюсенького счастья.

2 глава

И вот – «стою один я на дороге». К несчастью, я был умным. Нет, правда, я не дурак. Всегда много думал. Я закончил Университет. Ага, юридический, с красным дипломом. Я не мог с головой уйти в пьянство, как мой школьный товарищ Петька, Царствие ему небесное; пробовал уйти в блуд, подхватил трихомонаду и едва не погиб, нарвавшись на клофелинщицу... Накопительство уже не утешало меня, а зависть врагов уже не взывала к сладким мечтам о возмездии. К тому же, потеряв свой бизнес, я потерял и многих врагов, которые с облегчением проводили меня «на покой» и даже поминали теперь добрым словом. Как-то вечером, после бани, я сел перед зеркалом, достал тетрадь и жирно вывел: «Дневник». Решил начать новую жизнь. Сначала подвел итоги. 40 лет позади. Что важного было? Стал вспоминать. Тут главное не умничать – несколько секунд на размышления. Я вспомнил полуденный зной, заводь речушки, поросшей лопухами кувшинок, под кустами плакучей ивы, мы, пацаны, плещемся и дурачимся в неглубокой, темной воде, а неподалеку, на берегу стоит дядя Коля в своей вечной серой фуфайке, выцветшей фуражке, с удочкой из ореховой лозы и ругается на нас – мешаем ему ловить рыбу! Не то... Спортивный лагерь за Зеленогорском, утренний кросс к лесному озеру. Свежо, воздух густо напоен хиной, сосны и трава блестят и

сверкают на солнце от росы. Мы с Серегой пыхтим, задыхаемся, отстаем умышленно от основной группы, прячемся в лес, чтобы торопливо накидать в рот спелой черники, пока тренер не увидел, пока комары не заели, а заодно успеваем опростать просыпающийся всегда с опозданием кишечник... А вот еще Надька... Десятый класс. Весна. Она в школьном платье, из под которого выглядывают коленки, на которые я зырюсь, зля ее; она стоит передо мной посреди комнаты и, гневно размахивая тетрадкой, выговаривает строго: «Олег! Мне поручили взять тебя на буксир, но я не обязана за тебя делать уроки!» Дуреха! Она и не подозревает, что классная попросила ее взять меня на буксир по моей просьбе! Потому что я хотел видеть Надьку всегда, злую и добрую, смешливую и строгую, потому что хотел сказать ей что-то главное, а когда видел, то у меня в животе начинался целый симфонический концерт и я превращался в безвольного тупицу. Университет. Первая сессия. Новые друзья. Мы сидим в пивном баре «Медведь» возле «Чернышевской», и Андрюха читает вслух свои гениальные стихи, и у меня сердце замирает от мысли, что я вот так запросто сижу с гениями и пью с ними пиво, вместо того чтобы записывать в блокнот каждое слово. А потом... Потом помню бетонный пол, стены, облицованные белой плиткой, и огромную вишневую лужу крови, посреди которой лежит неестественно вывернутая изуродованная лысая голова и белого как смерть банщика с красными от крови ладонями и его испуганный голос: «ре-

бята, уносите его! Куда угодно, уносите быстрее. Я тут все замую, до утра высохнет». Это кажется 92 год... В 94 помню тусклый зал ресторана на Васильевском, пылающий от возбуждения Серега, склонившись ко мне через стол, шепчет со свистом: «Олежек, если выгорит – мы с тобой в шоколаде до конца дней! Ты представляешь? Главное сейчас, чтоб все в цвет было!» Потом морды, морды, морды... Смоленское кладбище, опять морды... Рассказывали, что Вячеслав умирал в гостиной своего домика на Кипре долго и мучительно. Его привязали к стулу и пытали на глазах у его секретарши. Как показала экспертиза, секретарша выплакала почти литр слез, прежде чем принялись за нее. Дальше вспоминать не хотелось...

Основной итог жизни – полная жопа. Кажется, у психологов это называется кризисом среднего возраста. Когда взрослый мужик начинает догадываться, что его круто на-бали. Все эти дяденьки и тетеньки из телевизора, которые каждый день обещают, что если купишь правильную банку «Фанты», то остановишь крутейший автобус и все у тебя будет путем. Смех-смехом, но попадают на эту удочку все. Даже самые умные. И когда у самых умных открываются глаза, они делают вид, что все идет нормально, главное не останавливаться и покупать, покупать, покупать! Правду говорю. У меня был приятель, владелец крупной строительной фирмы – красивый, умный, образованный мужик. Как-то под настроение, в ресторане, я спросил его в лоб: в чем он видит смысл своей

жизни? Александр (так его звали) отнесся к вопросу серьезно, поставил рюмку, вытер губы салфеткой, задумался, (он хотел быть честным!) и ответил: «Каждый месяц – в последних числах – я покупаю себе новые швейцарские часы. У меня их уже тридцать штук скопилось!». Я ждал, что за этим последует. Но это и был ответ! Клянусь! Больше сказать ему было нечего! Передо мной сидел идеальный потребитель! Видимо я был ошарашен, потому что Александр, взглянув на меня, встревожился:

– Печень? Переходи на сухое. Здоровье надо беречь смолу, потом поздно будет.

Впрочем, если надоело покупать, то можно прибавить темпа в беге, что бы пот заливал глаза и прошлое не наступало на пятки.

Итак, друзья ушли навсегда. Силы еще были, идей – никаких. Творчество? Рисовать я не умел, сочинять музыку тоже, пробовал писать, но не знал о чем, а если знал – боялся. Увлёкся ЗОЖ, полгода сидел на овощах и фруктах, потом два месяца обжирался жареной грудинкой и сливочным мороженым с орехами, клубничным сиропом и горьким шоколадом. Попытка стать философом и неделю жил по новейшей американской методе «здесь и сейчас», пока не позвонила жена и двумя фразами не спихнула меня в прошлое, а заодно пообещала, что и в будущем меня не ждет ничего хорошего.

Уже и не помню, как мне пришла в голову идея поехать в

деревню. Был у меня тыл. На самый крайняк. Деревня Елагино на Псковщине. Там жила одиноко моя двоюродная сестра Лена, сельская учительница. Крохотная речушка из моего детства – это оттуда. Это была моя маленькая тайна в последние годы. Несколько постыдная. Помню, как мы лежали с Майей на узкой полоске песка перед прозрачной лагуной в тени мангровых зарослей и наблюдали за крабиками, которые суетливо бегали с места на место в поисках своей загадочной, крабьей доли. Начиная прилив и прибой на горизонте пенился и рокотал с угрожающей силой.

– О чем думаешь? – спросила жена – Почему такой страдальческий вид? Скучаешь?

– Ага – ответил я – Скучаю. По деревне.

– О, Боже! – Мая не на шутку рассердилась – Опять березки, избы и навоз! Не надоело? Ты посмотри вокруг! Это же рай! Натуральный рай! Как можно думать здесь о твоей... поганой речке. Посмотри на этих рыбок! Это же Мальдивы!

Вокруг и правда был рай и серебристые рыбки выскакивали вдруг целой тучей из воды, преследуемые под водой каким то невидимым хищником, а мне было хреново. Наверное, не в райском острове было дело. Скорее всего именно тогда я понял, что ни фига у нас с Майей не выйдет. Иногда так хотелось прижаться и всплакнуть на чьей-нибудь груди! Но даже если бы я на это решился, грудь Майи была бы последней в списке.

...Приехал я в деревню в начале июля. Вкатил на своем

немецком «танке» так что пыль столбом поднялась и цепные собаки взвыли от страха.

Сеструха всплеснула руками, всплакнула, накрыла на стол. Дом, который я помнил с детства, постарел изрядно. Он встретил меня старческой, трескучей бранью еще в сенях, а в комнатах стонала и жаловалась на немощи каждая половица. И грязные потолки вроде бы ссутулились, и окна помутнели. А в остальном все было как прежде: цветной, допотопный телевизор «Радуга», покрытый вафельным полотенцем, картина Шишкина «Лес» на стене, промятый чуть ли не до пружин диван, трюмо, засиженное мухами... Я облазил всю избу, залез даже на чердак, который хранил прошлое с пугающей достоверностью, обнаружил там целый склад рыболовецких снастей и свои детские резиновые сапожки с оранжевой заплаткой на голенище.

Мы сели за стол, за который в детстве садилась вся семья, выпили за упокой Ленкиных отца и матери, поговорили о погоде, о школе, о Путине, Америке и только после этого она спросила.

– Ну а ты, как? Большим человеком стал, я слышала? Вон машина какая у тебя! Почему один? Жена где? Ребенок? Надолго к нам?

– Если не прогонишь, месяц проживу. Жена с ребенком далеко... за границей.

– Какой-то не веселый ты. На себя не похожий. А помнишь, как отец ругался, когда вы смеялись с братом Юркой,

как дураки, весь вечер, и остановиться не могли? Ха-ха-ха! Аж по полу катались. Помню, папка кричит Юрке: ну что ржешь, как Ванька Гороховский?! А ну, марш из избы! А вы – на крыльцо, и там ха-ха-ха! А спроси – чего ржете? И не ответишь! Просто так!

– И я не помню чего... Помню, что чуть не описался. Юрка начал рожи строить, специально. Видит, что я совсем... того... а у меня потом икота весь вечер была. Дядя Толя, помню, даже за вожжи схватился...

– Во-во, ты когда последний раз смеялся?

Я призадумался. И вдруг понял, что не помню. Кажется, последний раз я смеялся, когда осваивал американский метод позитивного мышления на курсах. Вел курсы вертлявый мужичок в огромных очках как будто с чужого лица. Он заламывал руки и уверял нас, что если утром соорудить себе улыбающуюся харю перед зеркалом, то весь день сложится удачно. И еще учил нас смеяться, когда не смешно. До сих пор в ушах стоит этот жутковатый, деревянный смех... К счастью, мужичок скоро исчез с горизонта. Вместе с нашими деньгами.

Ленка, Ленка, учительница сельской школы... Я боялся, что начнутся банальные разговоры про трудную жизнь, жалобы на нищенскую, учительскую зарплату, всеобщую разруху, ложь и воровство, готовился отвечать, что не в деньгах счастье, а вышло так, что утешала меня она и было мне приятно, и я слушал смиренно и не спорил.

– Месяц назад иду из магазина, глядь! Рой! Мама родная. А я не знаю, что делать. От отца осталось пару пустых ульев. Думаю, ну пусть будет, как будет. А потом гляжу – летают! Заселились. Вовка-сосед посмотрел, рамки поставил, говорит: с тебя банка меду! А я про себя думаю, не иначе папка с небес рой прислал! Знал, что мне нужно... Ты Олежек просто устал. Ничего. Баньку стопим, на реку сходишь, у папки где-то удочки остались, я не трогала ничего с похорон... Скоро ягоды пойдут, грибы... А то хочешь – насовсем переселяйся. Фермером будешь. Шучу, конечно... Помнишь, как Зорька тебе хвостом по лицу стеганула, когда ты мух от нее отгонял? Заревел как паровоз. А Юрка потом тебя земляничкой кормил, чтоб не плакал.

– Да... стеганула так, что у меня чуть глаза не выскочили... Сколько мне было? Лет пять? А еще я помню, совсем был маленький, хотел, чтобы аисты меня на себе покатали. Они на поле паслись, а я иду к ним, а они взлетают, а я плачу: куда вы, я с вами! Лет пять мне было?

– Теперь налетался? Много повидал? Красиво?

Я вспомнил почему-то Мальдивы и неожиданно для себя ответил.

– Да, Ленка, красиво. Везде красиво. Просто мы, дураки, этого не замечаем. Ну, ничего. Попробуем еще раз. С нуля. Теперь уже по-взрослому. Теперь нас на мякине проведешь.

– Чего начнем? – не поняла сестра. – Бизнес начнешь новый?

Я засмеялся. Смех был не деревянный. Но еще далекий от совершенства.

3 глава

За неделю я облазил всю округу. Еще с десяток лет назад деревенька наша была вполне бодренькой и голосистой, теперь она смиренно доживала последние годочки. Но хороша была необыкновенно! Располагалась деревушка на берегу реки Великая и просто просилась на полотно художника – романтика. Представьте себе высокий холм, поросший старыми яблоневыми садами, дубами, орешником, ясенями и липами. Внизу постепенно зарастал лопухами и крапивой старый колхозный выгон. Я помню время, когда полтысячи колхозных овец стекались сюда грязно-белой пеной на закате солнца, оглашая стылый, вечерний воздух овечьим кашлем, тяжкими вздохами и меланхолическим бляньем. За стадом тащился такой же грустный пастух в прорезиненном плаще, с кнутом, а за ним, усердно высунув язык, плелась лохматая, белая собачонка, которую овцы давно перестали бояться, а бараны так и вовсе при случае задирали. Вытоптанный до глины за многие годы овечьими копытами, выгон и теперь еще был лыс. По краям его окружали мощные стены лебеды и полыни, из которых выглядывали кое-где истлевшие остатки забора. За выгоном ярко зеленело крохотное болотце, а дальше – река: широкая, спокойная, со множеством тихих заводей, бесшумно струящихся по песчаным отмелям протоков, невысоких, заболоченных островков с пучками осоки

и чахлыми кустиками ракиты; запрудами из сплошных водорослей, которые течение выпирало наружу и дивными полянами из тысяч белых и желтых кувшинок. Огромный, серый камень возвышался из воды в излучине у самого берега. С него в детстве мы ныряли и прыгали, кувыркаясь в воздухе, в воду.

Долгожданная перестройка вчистую разорила всю округу еще в начале 90-х годов, и река была чиста, как при Рюрике. В ее глубоких, черных омутах дремали огромные, двухпудовые сомы, на стремнинах играли толстые, желтобокие язи, которые любили в жаркий день полакомиться синими стрекозами, а в тростнике дремали, дожидаясь вечерней прохлады, пятнистые щуки. С чердака я достал удочки, оставшиеся от дяди Толи и на второй день уже сидел на берегу, упрямо уставившись в поплавок, который норовил завалиться на бок и время от времени медленно погружался в воду, увлекаемый течением. Поймал я за два часа с полдюжины серебристых уклеек, которые быстро высохли под солнцем, скрючились и укоряли мою совесть своим жалким видом, наконец, решительно выдернул удочки из воды, разделся и бултыхнулся в воду. Мелкие рыбки тут же окружили меня со всех сторон, сгорая от любопытства: «Так вот ты какой, рыбак, а куда ты дел наших товарищей?!» Потом я долго сидел на берегу, стараясь сохранить в себе блаженный покой, вслушиваясь в тихий шелест осоки.

Я любил с детства посидеть на берегу, подумать. Дальний

берег как всегда манил. Синее небо завораживало. Душа парила, как вон тот белый аист в полуденном зное. Погружаясь в сладкую дрему, я понимал, как именно здесь, еще тысячу лет назад, родился русский человек – этот непонятный, непредсказуемый, сильный и простодушный народ, который всегда ждет чего-то, всегда мечтает о несбыточном, который уже не первое столетие вглядывается в даль, словно там ему обещан рай... Какой то незнакомый, строгий голос, похоже это был Гоголь, продекламировал в голове: «Русь, ответь, что делать мне? Как спасти свою душу? Как вернуть радость? Нет ответа. Тихо веет ветерок, взбивая пыль на дороге, парит высоко в небе белый аист, жужжит пчела на поникшем цветке, стрекочет невидимый кузнечик в траве... Горько, грустно, тревожно на сердце, и слеза покаянная катится по щеке, и хочется... не дела, нет, мало дела – подвига!» Я встрепенулся, чтобы отогнать это наваждение. Чего я так страстно хочу? Чтоб изумились все! Чтобы поняли! Что поняли? Не знаю, не знаю, не знаю! А может быть напиться вусмерть? Или бежать, бежать куда-нибудь, где все будет легко и понятно, где не будет этой вечной тишины, которая вызывает к ответу.

Вернувшись к вечеру, я поразил Ленку смиренной грустью и немногословием. За ужином она даже прикрикнула на меня.

– Ну что молчишь, как малохольный?

Забавно, что это словцо любила и моя жена, особенно, ко-

гда злилась.

За два дня я обошел своих соседей, отвечая на один и тот же, кажется единственно насущный вопрос – когда же закончится «вся эта фигня?». Сил и желания терпеть не было ни у кого; похоже, что все ждали, когда грянет гром небесный и с неба на броневике спустится Ильич в красном кумаче и с серпом и молотом в руках. Тогда проклятые буржуины возрыдают и встанут на колени, в полях вновь застрекочут трактора, председатель колхоза получит новые указания из райкома иначнется невиданное социалистическое соревнование. Я отвечал, что время избавления близко, стараясь своим уверенным видом компенсировать беспомощность своих слов. Мне не верили, но все равно всем было приятно. С дядей Борей мы даже выпили в горнице по стопочке «за победу!» и он всплакнул, вспоминая, как едва не потерял ногу под Кенигсбергом. Селяне были простодушно уверены, что в городе знают больше, чем в деревне. А что знали мы тогда, городские?

Время было сложное – начало двухтысячных. Люди пережившие катастрофу 90-х, вылезали из своих укрытий, отряхивались, оглядывались, списывались, созванивались, чтобы узнать кто уцелел, а кто нет, искали себя в новой жизни, которая наступила теперь уже точно бесповоротно и требовала от каждого новых решительных усилий. С коммунизмом было покончено, капитализм упорно не наступал. Пришел феодализм, и самые умные и пронырливые бросились искать

своих сеньоров, а гордые ушли на вольные хлеба, благо государству к этому времени уже надоело делить законную добычу с рэкетирами и разбойниками и их в большинстве своем упрятали за решетку. Внизу, как всегда, колыхалась и недовольно пыхтела основная масса, дожидаясь очередной бучи, чтоб утопить проклятых эксплуататоров и везунчиков в говне.

Про деревню в ту пору просто забыли, исходя из простой, городской точки зрения, что «эти и сами себя прокормят». Ведь кормили же и после революции, и после войны? Ну вот. К тому же есть леса с грибами и ягодами, есть рыба в реке. Осталось и кое-какое колхозное барахлишко. Словом, живи и ни в чем себе не отказывай.

Селяне категорически с такой точкой зрения были несогласны и вверяли мне свои беды, как депутату. Я слушал терпеливо, чем и сейчас горжусь. Кто-то даже предложил мне возглавить колхоз. Не прежний, конечно, а новый, который я должен был собрать из остатков старого. Я обещал подумать.

Познакомился я на третий день и с прелюбопытнейшим субъектом: Георгием Семеновичем, художником и реставратором в отставке, по фамилии Гордейчик. Георгий Семенович по отцу был еврей, а по матери русский, что научило его в советское время некоторой изворотливости. В кругах богемы, Жора признавался в любви к Малевичу, а партийным товарищам простодушно сообщал, что обожает Саврасова и Шишкина. При этом, что любопытно, он умудрялся не врать

ни тем, ни другим. Родился он в Мелитополе, учился в знаменитой «Мухе» в Ленинграде, долгие годы работал реставратором в Нарве, Новгороде, Пскове, был женат, успешен, имел сына с дочкой, но в середине 90х овдовел и чтобы спастись от тоски и ужаса прикупил дом в Островском районе и стал в нем жить. Дети вполне поняли отца, но никак не ожидали, что он из дачника вскоре превратится в настоящего крестьянина. «Отец Георгий», как в шутку стал называть его я, завел пасеку, увлекся садоводством, прикупил кур и кроликов и в Петербург в последнее время выбирался редко и только по крайней надобности. Дети некоторое время манили его обратно, как он шутил, «в проклятый Вавилон», но старина уже пустил корни в Псковскую землю и выдрать его отсюда оказалось невозможным. Отец Георгий крепко держался православной веры, одно время даже прислуживал в храме верстах в десяти от нашей деревни, и по-прежнему занимался реставрацией икон у себя в доме, для чего оборудовал в зимней половине нечто похожее на мастерскую.

Лет ему было под шестьдесят. Он был крепок, широкоплеч и силен. Голубые глаза его прятались в рыжей, буйной растительности, из нее же высовывался крупный, красный нос, отчего Георгий Семенович напоминал деда Мороза. Ходил он летом в широкой, льняной рубаше, подпоясанной шнурком и в широких шароварах, на груди носил массивный православный крест. Не хватало только лаптей. Об этом я как-то и сказал Георгию Семеновичу в шутку, но он

объяснил, тоже в шутку, что лапти плохо сочетаются с кипой, которая до сих пор хранится у него в сундуке.

Коллеги, друзья и не пытались отговорить Жору переменить жизнь, потому что знали: если Жора решил – так и будет. Жора решил, что надо обратиться к Богу? Значит надо. Принял православие? Поверьте, он много думал. Хотите поспорить? Это может плохо для Вас кончиться. Зяма поспорил, а теперь носит на своей волосатой груди крест, хотя по-прежнему стыдится ходить в общественную баню.

Так Жора стал заправским скобарем.

Нечего говорить, что именно о таком собеседнике и мечтала моя душа. Мы оба в некотором роде были добровольными изгоями, только Георгий Семенович ясно видел цель своего пути, а я шел наугад, надеясь на счастливую встречу.

Познакомились мы случайно. Я с утра до обеда бесцельно таскался по полям, потеряв несколько литров крови в борьбе с оводами, слепнями и другими мелкими вампирами и, наконец измученный от усталости и жажды, добрал до соседней деревни, вломился в воротца ухоженного сада с рыдающей просьбой: «Пить! Пить!»

Хозяин напоил меня вкусной колодезной водой, угостил бледно-красной смородиной из сада, а уже через час мы сидели за столиком в саду, пили красное грузинское вино и говорили так, как и положено русским интеллигентам. То есть о главном.

– Стало быть мы с вами одной крови? – задумчиво молвил

Георгий Семенович – Бежали от мира.... И встретились в заброшенной псковской деревеньке. И как Вам?

– Как у Пушкина: счастья нет, но есть покой и воля. Покоя не нашел пока... Вот думаю рыбалкой заняться. Говорят успокаивает.

– Успокойтесь. А потом? Опять в битву? До победного конца?

– Если бы еще знать, где она, победа? Как выглядит?

– Неужто забыли?

Я честно призадумался.

– Помню, как судья вручал золотую медаль на первенстве города по дзюдо среди юниоров. Эта медаль тогда была самым дорогим для меня на всем белом свете сокровищем. Правда! Ни за какие деньги бы ее не продал. А счастья в душе было столько, что хватило бы на тысячу человек и еще осталось бы... Я ее в постель с собой клал на ночь, не мог насмотреться. Встану, бывало, перед зеркалом и люблюсь. Мать даже пристыдила. Зазнаешься, говорит. Потом... в Университет поступил. Тоже была победа, но уже не так сильно... а потом как-то все по мелочи. Без особой радости. Сдал зачет и слава Богу! А Вы?

– Вчера полдня смотрел на банку с вареньем и все-таки устоял, не стал кушать. А варенье-то, между прочим, клубничное, не хухры-мухры! Победа! Диабет, знаете ли.

– Вы бы ее выкинули к чертям собачьим.

– Какая же тогда победа? Пусть стоит, Вас вот могу уго-

стить. Курить бросил в прошлом году – тоже победа. Вот теперь простить бы одного чудака, о котором думаю непрестанно, и совсем стало бы хорошо! Свобода! Но пока не получается. Мощи не хватает.

– Насолил сильно? Чудак-то?

– Я насолил ему сильно. Своим существованием. Не любит он меня, вот ведь какая беда. Всегда не любил. Много мне крови попортил. Может быть теперь, когда я исчез с глаз долой, успокоиться.

– Трудно прощать?

– А Вы пробовали?

Я опять задумался. Я как-то сразу стал внимательно относиться к своим словам, разговаривая с отцом Георгием. Так бывало разговаривал в недавнем прошлом на толковищах.

– Знаете, в моем кругу как-то не принято... У нас, если что – отвечать придется по полной... А простишь – тебя заключают свои же.

Я по глазам увидел, что отец Георгий не сразу понял о каком «круге» я веду речь, но догадавшись, не стал спрашивать, а только нахмурился. Я уже пожалел, что мой намек получился слишком жирным, но Георгий продолжал вполне миролюбиво.

– Трудно в сердце носить тяжелый камень. Обидчику – что? Он может быть и не думает о тебе вовсе. Живет припеваючи. А ты тащишь его на своих плечах день за днем. Просыпаешься – думаешь о нем. Засыпаешь – думаешь, как ото-

мстить. Тяжко.

– Как же быть?

– Человеку это невозможно. Богу все возможно. Просите. Георгий Семенович обвел сад задумчивым взглядом, вздохнул.

– Вы, Олег, рассказывали, как сегодня едва спаслись от слепней, которые накинудись на вас, аки волки голодные. Вы что сделали? Остались в кустах и бились с ними до последней капли крови? Или до последнего слепня? Нет, Вы просто бежали от них в чистое поле, где ветерок, где они отстали и исчезли. Так вот и обиды Ваши, и злоба, и страх всегда будут с Вами и всегда будут мучить Вас, куда бы Вы не уехали, хоть в Антарктиду, пока Вы не убежите от своих страстей, от своих страхов, пока не умоетесь чистой водой...

– Гладко... на словах. Да вот не получается на деле. Я ведь даже к психологам обращался. Чего только не наслушался. Как Вам, например: встаньте утром перед окном и скажите бодро и громко: доброе утро, Мир! И протяните при этом руки Вселенной! Или, чтоб успокоиться, считайте стулья в вашем доме. Не знаю... Может быть кому-то и помогает...

Внезапно Георгий Семенович бодро вскочил и ушел в дом. Вернулся он с крохотной книжицей в коричневом плотном переплете.

– Вот. Знаете, не будем мудрить. Я не психоаналитик, Вы, извините, не псих. Я дам Вам совет: почитайте это на ночь. Смиренно, не умничайте. Мне помогло. Я даже скажу боль-

ше: я без этого уже жизни не представляю. Это молитвослов. Приходилось ли Вам обращаться к Богу?

Я усмехнулся, но внезапно вспомнил, как пару лет назад открыл дверь своего дома в Репино и в грудь мне уперся ствол охотничьего карабина, и я мгновенно понял, что от смерти меня отделяет секунда и в эту секунду я должен принять самое правильное решение в своей жизни. И я принял его, все душой своей возопил: «Господи, спаси и помилуй!» Спас. Вечером, закончив вторую бутылку коньяка вместе с Пифом у него на кухне, я как-то отрешенно подумал, что неплохо бы было отблагодарить Господа за то, что карабин оказался неисправным. Как? Может быть свечку поставить в церкви? Поставлю. Потом... Не поставил. Если совесть укоряла – возражал так: на что Ему, Творцу Вселенной, эта копеечная свечка?

– Приходилось. Когда страшно было. В детстве молился даже, чтобы не умереть во сне.

– А, понимаю. Спаси Господи, я больше не буду? Не переживайте, Он слышит этот обман каждый день по тысячи раз. Главное вовремя остановится. Читайте. Как будто Вы совсем один на всем белом свете. Он услышит, не сомневайтесь. Если заплачете – знайте, Вы на верном пути.

–Спасибо. Понял. Обязательно попробую.

И опять я соврал. Привычно, без покаяния. Открыл на ночь книжечку, прочитал «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» и заснул, провалившись в толстую, пуховую перину,

которой так гордилась моя тетка в советские время.

4 глава

Однажды утром я вышел за околицу, захватив с собой горсть конфет и плеер с наушниками, и пошел «куда глаза глядят». Это было мое любимое занятие. Слушал я всю жизнь группу «Дип Перпл». Майя ругалась, считала, что я остановился в своем музыкальном развитии, но, по-моему, остановилась в своем развитии сама музыка после 70-х. То, что сотворили англосаксы в 60-70 годах в музыке – это чудо, равное европейскому Ренессансу в Средние века. Может быть, это была вообще последняя вспышка белой цивилизации перед тем, как свече угаснуть. Майя ругалась, когда я говорил об этом, она вообще, верила в Прогресс, ну то есть, что завтра будет лучше, чем сегодня. Без этого, как я понимаю, ее генератор, вырабатывающий бешеную энергию, быстро бы сдох. Если бы мне поручили нарисовать герб на ее щите, я бы изобразил стрижа – вечно в стремительном полете, чтоб успеть съесть достаточное количество мух и комаров, и чтобы ястреб не успел воткнуть сзади когти.

Итак, я вышел. Что может быть прекрасней, когда ранним, тихим утром, сбивая в поле решительным шагом свежую росу, ты втыкаешь в уши наушники, нажимаешь на волшебную кнопочку на плеере и волосы на голове встают дыбом от первых звуков, напоминающих боевой зов трубы перед Армагеддоном. Какой жгучий восторг наполняет душу! Какие

мощные силы рождаются! Какие видения! «Звезда автострады» – гимн 20 веку. Бессмысленная, сумасшедшая скорость. На грани смертельного риска. Дорога мчится навстречу, обочины сливаются в серую муть. Куда? В никуда! В бездну! «Дым над водой» – бесчисленная рать воинов в блестящих доспехах колышется на берегу реки, над ними выются знамена! С яростными криками и звоном скрещиваются мечи, с треском сталкиваются щиты, черный дым зловеще наползает на реку... В такие минуты я мог броситься на танк с голыми руками. Или найти правильный ход в запутанном деле. Или решиться на рискованное мероприятие.

Вот и в этот раз я шел, как в атаку, сшибая берцами клевер и ромашку и давя жучков и паучков на своем пути. Прочь сомнения и страхи! Дорогу победителю! Что впереди? Какая разница! Разве сокол в небе думает об этом? В трансе я не заметил как забрался в какие-то незнакомые ракизовые дебри. И тут начался настоящий Армагеддон. В кустах была Запорожская Сечь слепней и оводов. Поутру они только готовились к набегам на соседние селения и тут появился я. Весь в белом. Упитанный и свеженький, с первой группой крови, реузус положительный. Нател! Стол накрыт! Дважды приглашать не пришлось. Набросились они на меня роем, мешая и отталкивая друг друга. Стало так больно и обидно, что я сорвал наушники, взревел как берсерк, и бросился напролом. Только на голой возвышенности, обдуваемой ветерком, проклятые отступили. Солнце уже пекло плечи, тело чесалось

и горело. Я огляделся. Ни души. Край света. Чибисы уныло озвучивали пейзаж своим однообразным, щемящим нытьем. Казалось, они читали по мне отходную. Эта мысль разозлила меня, я крикнул «кыш!» и зашагал с уверенностью человека, нашедшего дорогу. К счастью, она действительно нашлась. Старый большак с колдобинами и рытвинами, которые проклинали на все лады еще немцы во время последнего нашествия, вывел меня к деревне. Это было Кузьмино. Я вышел к нему с другой стороны и сначала не узнал. На окраине стоял желтый дом, возле которого молодой мужик в морской тельняшке ковырялся во внутренностях трактора «Беларусь». Увидев меня, он кивнул, задумчиво постукивая гаечным ключом в ладонь. В ответ я приветливо помахал ему. Какое счастье было окунуться в долгожданную тень! В кронах молодых лип стоял напряженный, пчелиный звон. Он был подобен гудению тока в линиях электропередач и столь же тревожен. Потом я услышал звонкое тьяканье какого-то белого существа, запутавшегося в зарослях сныти и вьюнка. Существо явно стремилось встретиться со мной в честном поединке и обратиться в бегство, но когда, наконец, выпуталось из травы и выскочило на дорогу, то вдруг завильяло хвостом и припадая брюхом к земле, боком-боком стало подползать к моим ногам.

– Жулик! Жулька! Фу! – раздался возмущенный голос и на тропинку выскочила девочка, скорее даже девушка лет 14-15, худенькая, загорелая, в выцветших малиновых шор-

тах и белой футболке. В руках она держала прут.

Жулик совсем обмяк и упал на бок, ударяя хвостом об землю.

– Не бойтесь, он не тронет. – сказала девушка, смахнув со лба невидимую паутинку. – Жулик, как тебе не стыдно!

Она почесала прутиком брюхо собачонки и засмеялась, когда Жулька вскочил, чихая и отфыркиваясь.

Я молчал, невольно заинтригованный этой встречей. Незнакомка была в том мимолетном возрасте, когда не знаешь, как обращаться к ней: на Вы или на ты. Какой тон более уместен: отеческий? Холодно-бесполюый? По-взрослому покровительственный? Тогда откуда это смущение? Почему хочется подобрать живот и расправить плечи? Одним словом, я растерялся. Загорелая до черноты, белобрысая, как одуванчик, худая и угловатая, с красными, расцарапанными коленками, с масенькими подростковыми грудками была знакомка похожа на симпатичную, мультяшную хулиганку. Она застенчиво улыбалась, но рассматривала меня смело и в зеленых, больших глазах ее уже проглядывало торжество будущей красивой женщины, которая догадывается, каким страшным оружием против мужчин она обладает и непременно воспользуется им, когда придет ее черед.

– Олег – представился я нерешительно.

– Лиза – знакомка сделала шутливый книксен – Вы в гости?

– Заблудился. Чуть не погиб. Попался в лапы людоедам.

Еле сбежал.

– Людоеды? Шутите?

– Я слепней имею в виду.

Лиза прыснула от смеха.

– Да, тут их хватает. Особенно сейчас. А вы откуда? На местного не похожи. Приезжий?

Меня смущала ее раскованность. На здешнюю она была непохожа. Местных подростков отличала крайняя застенчивость и даже пугливость. На самый безобидный вопрос они отвечали после мучительного молчания и всегда односложно, смотрели в сторону, чесали плечи или колена и норовили улизнуть при первой возможности. «Городская! – решил я – Дачница.»

– Местный. Елагинский. Комбайнер.

– Ага, так я и поверила! Местный... Местных я знаю. Комбайнер, ну сума сойти! Покажите руки.

– Пожалуйста. Видишь, какие мозоли?

– Вижу. Только чистые все равно. Я тракториста за километр вижу. А что это у Вас? Плеер? Ух ты! А это наушники? Здорово! А можно послушать?

Первый раз в жизни я пожалел, что у меня ничего кроме «Паплов» не было записано, однако протянул ей наушники и включил плеер.

Лиза прикрыла глаза, покачивая головой, видимо пытаюсь найти ритм, потом вынула наушники и фыркнула.

– Громко. В ушах трещит. Ничего не поняла. Американ-

цы?

– Англичане.

– Один черт! А Буланова есть? Я Буланову люблю. «Не плачь». Слыхали?

– Слыхал. И даже плакал.

– Ну, да? Я тоже. Классная песня. Про любовь. Девчонки говорили, что она про себя поет. Ее парень бросил. Теперь жалеет небось, козел.

– Она тоже жалеет.

– А нечего было! Да за такую держаться надо двумя руками, верно? А кем Вы работаете?

– Я же сказал: комбайнер.

– Ой, ну хватит уже... Что я Вам, дурочка что ли? Нашли тоже...

– А ты кем работаешь?

– Балериной! – обиженно ответила Лиза – не скажу.

Хватило ее на пол минуты.

– Ладно, скажу. Я в школе учусь. А буду манекенщицей. Мисс Мира. Слыхали?

– Нет, но скоро, видимо, услышу. Мисс Кузьмино для начала.

– Ха! Прикольно. Маловато будет. Только бабушка не хочет. Говорит, что это все глупости. А на печке сидеть не глупости?! До ста лет?

– На печке хорошо. На печке тепло и уютно. Бабушку можно понять.

– Ну, ничего себе! – изумилась Лиза – Ну и сидите на печке! С бабушкой. Пока не сопреете. Оба. А я буду манекенщицей. У меня ноги уже сейчас семьдесят пять сантиметров. Круто?

– Не знаю, если честно. Наверно круто. Мои не меньше. Может тоже манекеном стать?

– Прикольно! Только Вы уже устарели. А мне 14! Как Твигги! Слыхали про такую?

– Что-то слышал. В детстве.

– Буду по всему свету ездить! Вот! Правда, Жулька?

Жулька во время нашего диалога внимательно вглядывался в травяные заросли и от неожиданности сел на задницу. «Конечно, правда!» – говорила его жуликоватая морда. – «А если подкинете мне еще кусочек сахара, то я вам спляшу!»

Мы с Лизой встретились глазами и засмеялись.

– Такой хитрюга! Вчера приходит ни с того ни с сего ко мне и ластится! И ластится! Думаю, что случилось? На себя не похож. Решила проверить. Смотрю – точно! Вареники исчезли! В тарелке на столе оставила вареники со сметаной, думала съем потом. Съела! Ага! А он заранее как бы прощения просит, морда бесстыжая!

Жулька, понимая, что говорят о нем и говорят не очень хорошее, скорбно повесил голову, типа: «житие мое!».

– Все понимает. А если скажу – Жулька, ай-яй-яй!, как не стыдно! – на спину упадет... Вот, видите, уже упал! Шучу, Жулик, вставай! А Вы давно здесь? На реку ходите? Почему

то я Вас не видела на реке. А я купаюсь каждый день пока жарко. У камня, знаете?

– Я там купался, когда тебя еще и на свете не было. Знаю, конечно. Я утром купаюсь... А скажи мне Лиза, нельзя ли мне воды напиться? Замучился совсем!

– Есть вода, есть! Идемте.

Изба, в которой жила Лиза с бабушкой, когда-то была крепка и нарядна, но в последние годы потускнела. Толстые бревна, из которых она была сложена, пошли трещинами и поросли мхом, белые наличники почти полностью облупились, а крыша, крытая рыжим шифером, покосилась и провисла.

– Вот наша халупа – с нескрываемым презрением сказала Лиза, – милости просим.

– Очень милый домик.

– Ой, я вас умоляю – театрально вздохнула Лиза, закатив глаза. – Только не надо издеваться. Бабуля! Где ты? Гости к нам!

Я вошел за ней в прохладные сени и, пригнувшись, шагнул в комнату. С железной панцирной кровати, застеленной лоскутовым одеялом, кряхтя, поднималась седая старуха в шерстяном, коричневом платье, поверх которого на поясице был навязан пуховый платок. На лице ее застыло плаксивое выражение, которое, как я понял позже, не сходило с ее лица уже многие годы.

Я представился.

– Авдотья Никитишна – плаксиво ответила старуха, отыскивая ногами разбитые калоши. – бабка Авдотья по-нашему.

– Бабуль, есть что-нибудь попить у нас? – нетерпеливо спросила Лиза.

– Где ж мне взять-то? Попить-то? – обиженно запричитала бабка, словно перед ней стоял райкомовский уполномоченный по взысканию недоимок. – Просила я тебя сходить к соседу, а ты пошла? Последний чайник утром выпили.

– Ну, не ной – с досадой прервала ее Лиза. – Что же, совсем не осталось?

– Нешто квас остался? Посмотри в сенцах.

Я присел на скамью. В комнате было чисто. Над печкой не роились мухи, как это часто бывает в деревенских избах, не воняло кислой овчиной и сырой золой, с деревянного пола еще не сошла желтая краска. Над кроватью висела репродукция какого-то святого, рядом выцветший плакат Бритни Спирс и маленькое фото Тани Булановой с альбома «Русское сердце». На подоконнике цвела герань и валялась пачка изпод Беломора. Лиза вернулась с кружкой какого-то пузырящегося, оранжевого пойла, которое я постарался выпить одним махом, перекрыв обонятельные каналы.

– Спасибо, зайка.

–Еще?

–Нет, нет, достаточно.

– Зайка. С ума сойти. Зайка. Слыхала, бабуль?

– Ну что привязалась к человеку? Обругал он тебя что ли?

Вы, мил человек, не из Острова ли будете, не из собеса?

Тут бабка Авдотья пустилась в долгий рассказ о своих мытарствах в местном собесе и, как водится в таких случаях у деревенских стариков тех окаянных дней, закончила Антихристом и концом света. Я не спорил. Лиза, видимо привыкшая к подобным беседам, тоже. На фразе:

«Бонбу надо кинуть им в кабинет!», я поднялся и бодро резюмировал:

– Именно так, бабуля! И помощнее. Чтоб одни камни остались. Спасибо за угощение. Пойду я.

Лиза тоже вскочила.

– Провожу!

И привычно перебила бабку.

– Сама знаю, что мне делать! Лежи и не майся. У тебя радикулит. Скоро приду.

Мы вышли в полуденный зной, и я сказал укоризненно.

– Жестковато ты с ней.

– А! – Лиза легкомысленно махнула рукой – Она привыкла. Мы с ней часто ругаемся, особенно по утрам. А потом миримся. Она добрая. Только тупая совсем. Знаете, кем она хочет, чтоб я стала? Ни за что не поверите...

– Дояркой?

– Еще чего, ну вы даете, дояркой! Да я лучше бы сдохла, чем дояркой... Портнихой! Вот вбила себе в голову! А Вы где живете? У тети Лены? Учительницы? Знаю ее, она мне двойки ставила в начальных классах, а потом я в Ост-

ров уехала. Она хорошая. Только вот мужа никак найти не может. А Вы женаты?

– Нет. Уже.

– Ух ты, здорово!

– Чего ж хорошего?

– Ничейный, вот чего. – она лукаво глянула на меня с боку
– Значит, можно клинья подбить.

– Подрости сначала, лет так на двадцать.

– Тогда из Вас песок уже посыплется. А так Вы еще вполне. Годны для военной службы. А машина у Вас есть?

Я не отвечал. Девчонка увлеклась на мой взгляд.

– Ну вот, Ваша дорога. – немножко обиженно сказала Лиза, когда мы поравнялись с домом отца Георгия – Дойдете или проводить?

– Спасибо, зайка. Дойду.

– Ну что Вы с этой зайкой... Я кошка. Которая гуляет сама по себе. Знаете?

– Читал. Спасибо, кошка. Пойду я.

– Счастливо – разочарованно сказала Лиза – А можно я к Вам в гости зайду? Я знаю, где тетя Лена живет. Или Вы к нам. А то тут от скуки сдохнуть можно! Я Вас развлекать буду!

– Можно. Но только принеси с собой школьный дневник. Предупреждаю, Елена Павловна не любит двоечников. Заставит тебя уроки учить.

– Ну что Вы все... шутите, как с маленькой. Сами учите

уроки. Бее!

Она высунула язык и вприпрыжку убежала. Весь вечер я улыбался. Ленка обрадовалась, считала, что я на пути к моральному выздоровлению.

– Вот, видишь, что земля родная делает? – сказала он за ужином, наливая мне молока – Подпитался и уже румянец на щеках. Еще немного и совсем будешь у нас молодцом. Не надумал еще уезжать?

По телеку показывали Путина. Он вызывал у меня симпатию.

– Неа – с загадочной улыбкой отвечал я – не хочу. Если не прогонишь. Мне здесь любо. Я тебе рыбы наловлю. Завтра. Будем уху варить.

И опять на ночь я открыл молитвослов и опять прочитал только первую строку. Лиза улыбалась и дразнила меня, стоило мне закрыть глаза. Жюлька нелепо скакал и тявкал, чтоб и на него обратили внимание. С кровати на меня смотрела с плаксивой гримасой старуха. Так я и заснул с маленькой, коричневой книжечкой на груди

5 глава

На следующий день сестра уехала с соседкой в город, а я отправился на реку, прихватив с собой удочки, к местечку, которое у нас называлось «у камня». Камень действительно был огромен. Он возвышался из воды на полтора метра и залезть на него можно было только с другого камня, поменьше, который высывался из воды, как младший брат рядом со старшим. Жара в то лето стояла страшная, река нагрелась и я с удовольствием искупался. Сначала нырнул пару раз, вспомнив детство, с камня, больно ударившись пузом во время кувырка. Потом выплыл на стремнину и погрузился в ласковую, темную воду до самых глаз, лениво загребая руками против мягкого течения, шуршавшего возле самых моих ушей. Солнце пекло макушку, а вода омывала тело прохладой. Иногда в ноги мои щекотно тыкались рыльца каких-то маленьких рыбок, иногда прямо в глаза плыл увядший цветок или пух и я отфыркивался, пуская пузыри, как тюлень. Я и представлял себя то тюленем, то китом, медленно погружаясь в воду насколько хватало дыхания. Под водой что-то вдалеке звенело, булькали пузырьки из моего рта, в мутной зелени мелькали какие-то тени. Я выныривал и вновь макушку припекало солнце, встревоженно крякала где-то в тростниках утка, а перед глазами зависала синяя стрекоза, которая норовила сесть мне на нос. Пока я отдувался от стрекозы, в

голову больно впивался слепень и я вновь погружался в воду, стараясь отгрести подальше. Выныривал, а он, как самолет, зависший над подводной лодкой, пикировал сверху. Я остервенело бил себя по голове, сплющивал пальцами слепня в лепешку и бросал пред собой, злорадно наблюдая, как несчастное тельце исчезает в чьей-то рыбьей пасти вместе с всплеском воды. И опять, обмякнув, распластав ноги и руки, сплавлялся по течению вниз, наблюдая, как камень скрывается за поворотом... Тогда бешеным кролем я возвращался обратно, вставал на песчаной отмели на ноги и с удовольствием рассматривал свое тело, сгибал руки, любуясь мускулами и чему-то бессмысленно улыбаясь. Помирать буду – не забуду эти минуты полного блаженства! Это был я! Тот самый Олег, который был задуман Богом. И Бог был доволен, наблюдая за мной, и я был доволен Богом, и в эти минуты я вполне готов был назвать Его Отцом.

Потом я забросил удочку в тихую бухточку из камыша, поросшую кувшинками, закурил и без всякого азарта устался на поплавок: весь этот ритуал напоминал мне безобидную детскую игру – главное, чтобы взрослые не застучали. Поплавок не завалился на бок – это уже была удача. «Ловись рыбка большая и маленькая» – пробормотал я, представляя как глупая рыбешка в нерешительности обнюхивает моего червячка и невольно улыбаясь ей самой доброжелательной из своих улыбок. «Давай, милая, смелей! Такого червячка ты еще никогда не пробовала!» Рыбка не решалась. Вместо

этого за спиной я услышал легкие, торопливые шаги. Обернувшись, я увидел Лизу. Мне следовало бы с досадой выругаться, но не скрою, я обрадовался. Лиза вприпрыжку приближалась, размахивая над головой полотенцем.

– А вот и я!

Полотенце полетело наземь. Одним ловким движением, схватившись за подол, Лиза выдернула себя из сарафана и забросила его за спину. От неожиданности я отвернулся, услышав за спиной довольное хихиканье.

– Я же одетая! Не бойтесь.

Одеты на ней были тонкие трусики в горошек и алый, нейлоновый лифчик не по размеру, похоже мамин.

– Вы рыбу ловите? А как же я?

Я выдернул удочку и бросил ее на траву. Какая тут рыбалка, смех один.

Лиза осторожно заходила в воду, обнимая себя за плечи, оглядываясь на меня с мольбой, как будто я должен был спасти ее в следующую минуту. Худенькая, подростковая фигура ее, с выпирающими лопатками, обещала в ближайший год приобрести прелестные девичьи формы. «Дурак, ты о чем думаешь? – остановил я себя и, нахмурившись, отвернулся.

– Ой, мамочки! – раздался испуганный голос и Лиза окунулась в воду.

Купалась она долго с охами, ахами, стонами и визгами. Вылезла из воды, дрожа от холода. Я постелил ей полотенце. Так мы и сидели, обняв колени.

Река блистала на солнце. Ветер, набегая с юга, взлохмачивал тростник и он недовольно шелестел в ответ: тишшше, тишшше, не буди нассс... Река изрядно обмелела во время засухи, но здесь, у камня она была глубока и степенна. Течение, огибающее камень, невольно увлекало взор до самого горизонта, где, блистая на солнце, высилась серебряная водонапорная башня в окружении высоких тополей.

Лиза скоро согрелась и ожила как ящерка на солнце.

– А плеер у Вас с собой?

Я достал плеер.

– Буланова?

– Да нет у меня Булановой, я же говорил.

– Что Вам стоит записать? Не... это я слушать не могу.

Какой-то ужас. А где Ваша жена?

– Далеко-далеко, за морями и горами. В Израиле. Слыхла?

– А Вы что, еврей?

– Негр. Только перекрасился.

– Ну ладно врать то! Негр... Тогда я японка.

– На здоровье. Только глаза сощурь, а то непохожа.

– А Вы много стран видели?

– Прилично.

– Хорошо там?

– А тебе здесь плохо?

– Плохо! Сплошная нищета. Я машину хочу! Дорогую.

Квартиру. Юбку джинсовую.

– Нет проблем. Заработаешь.

– Ой, не смейся! Заработаешь. У меня бабка всю жизнь работала, и что? Видел нашу избу?

Лиза по-моему и сама не заметила как перешла на ты.

– Учись и у тебя все получится.

– Не хочу учиться! Мне сразу надо.

– Манекенщицей?

– Манекенщицей классно... Если получится. А если нет – путаной. Они за одну ночь по сто долларов получают. А что? В этом мире все стоит денег!

Я не нашелся, что ответить.

– Что, съел?

– Дура ты. – вздохнул я.

– Сам ты...

Мы замолчали. Лиза внимательно терла свои колени, я закурил.

– Дай мне!

– Не дам.

– Жалко, что ли?

– Жалко. Они денег стоят.

– Ну ты... денег нет, я же сказала. А хочешь... хочешь я лифчик сниму? Только одной сигареты будет мало. Пачку давай.

– Не дам. Ни пачку, ни сигарету.

– Ты что, жид что ли? Жалко? Или боишься?

– Слушай, девочка – я отшвырнул сигарету -Ты следи за

базаром. А то получишь по жопе. И в проститутку играть не надо, я их терпеть не могу. Поняла?

Лиза испуганно вытаращила на меня глаза.

– Ты чего? Вот шальной... Я же по-честному. Ты думаешь я маленькая совсем? У меня месячные уже год как начались. Понятно?

– Поздравляю.

Лиза внезапно покраснела и все-таки решилась.

– И не девочка я уже. Вот так...

Тут и я... покраснел, ей-Богу! Покраснел, как выюноша. Ну, с ума сойти от этой девчонки! Зато Лиза торжествовала свою первую женскую победу!

– Да не смущайся ты! Об этом даже бабушка знает. И мама. Вот делов-то!

– Кто ж тебя... как тебя угораздило?

– Яшка-цыган. Я сама его попросила. И не больно совсем было. Только противно. От него луком несет за версту. И напугался он... Это все ты, кричит, я не виноват! Знаешь, что за это бывает?! А что бывает? Тюрьма?

Я кивнул головой.

– Значит Яшка у меня в руках. Только он сдристнул куда-то. Я слышала под Опочкой их табор стоит.

– А если беременность? Ты не подумала об этом?

Лиза не ответила. Сорвала клоч травы и швырнула в осокку.

– Ну что ты сразу... о самом плохом. Не залетела же?

– Ну да... не мое это дело, ты права.

Мы погрузились в долгое молчание.

– Слушай, а ты богат?

– Кто тебе сказал?

– Ой, я тебя умоляю. Тут все про тебя знают... Я же знала. Приехал на джипе, крутой, денег куры не клюют, бизнесмен... А чего скрывать то? А с женой вы развелись?

– А тебе что за дело?

– Хочешь, я буду твоей любовницей? Правда? Увези меня отсюда. Я все равно уеду. Я с Яшкой готова была уехать, да он испугался. Все такие трусы вокруг.... А что? Я быстро всему научусь. Ты не пожалеешь. А возраст скрыть можно. А худые правда сейчас ценятся?

Лиза легла на спину и задрогала ногами.

– Смотри какие! Нравятся?

– Как у цыпленка. Тощие.

– Чивоо? Сам ты цыпленок! 75 сантиметров, забыл? Их только подкачать надо, только разве у нас тренажеры найдешь?

– Бегай.

– Сам бегай. А мне тренажер нужен.

Она перевернулась на живот и я заметил, что лифчик совсем сполз с ее плеча.

– У меня кожа бархатная. Потрогай...

– Обойдешься.

– Да ладно тебе. Смотри...

Я вскочил.

– Быстро встала и пошла отсюда! Я кому сказал, ну?!

Лиза неохотно встала. Натягивая платье она недовольно пробурчала

– Место тобой не купленное. Где хочу – там и купаюсь.

Ты не можешь мне запретить, понятно?

– Понятно, понятно, только уходи ради Бога!

– Ну и оставайся тут! Один. Подумаешь. Девчонки испугался. А еще крутой называется... Вечером все равно приду. Счастливой рыбалки!! Чао!

Лиза уходила, гордо подняв голову и оглядываясь. Мне показалось, что в лице ее сияло торжество.

Этим же вечером, сидя у Георгия Семеновича в горнице, я рассказал ему все. Ну или почти все. Сосед не удивился. Только замолчал надолго.

– А Вы знаете, что она и мне предлагала нечто подобное, прости, Господи.... Девочка странная, ее бы психологу показать. Помешана на деньгах. Ей кажется, что в деньгах все счастье. Мечтает уехать отсюда, манекенщицей стать. Звездой. Какой звездой? – спрашиваю. Какой угодно! Выйду замуж за американского негра, говорит, стану знаменитой и все будут завидовать. Почему за негра? спрашиваю, а у них беленькие в цене!

Ну что тут сказать. Не поймешь, где тут глупость, а где быть может болезнь... Вы про мать ее ничего не знаете? Ее чуть прав родительских не лишили. Пьет беспробудно, муж

в тюрьме сидит. Родную дочь готова продать ради своего зелья. И продала бы, если бы не бабка. Бабушка старой закалки, тащит на себе пока может. На ее пенсию и живут.

– Полный... это самое

– Да, да, оно самое. Полный.

Солнце садилось за грушей, прожигая ее насквозь золотыми лучами. Было тепло и душно. Мы с Георгием задумались каждый о своем. Я вздохнул.

– Откуда это все... повылезло?

– Вы про себя говорите?

– Нет, я про Лизу... а впрочем, Вы правы. И про себя.

– Хорошо, что Вы понимаете. Думаю, мы все ищем себя.

Как вольную дали – так и ищем. Я ищу, Вы ищите. Мы как беспризорники из детдома, за ворота вышли – ух ты! Свобода! Ну и... каждый по потребностям и способностям... Народишко наш многострадальный опять в блуд ушел. Праздника ему захотелось. Помните, как у Шукшина в «Калине красной?»: «Праздника душа просит, праздника! Я давно его ищу!» Вот и празднуем... Все никак не можем опохмелиться. Ведь до нитки все спустили! А потом опять, сжав зубы, вгрызаемся в работу. Догоняем, обгоняем, жилы рвем... «Ах, посмотрите, мы такие же как вы! Нет, мы лучше вас!» Не верите? Тогда получите! В морду.

Георгий вздохнул, отпил приличный глоток и улыбнулся бокалу с рубиновым вином.

– Так и мечемся... между Небом и землей грешной. Когда

же наступит благословенное время, когда мы станем просто сами собой? Какие есть... Ведь последний пигмей в джунглях имеет больше уважения к себе, чем мы.

– Зато меньше верит в свое превосходство.

– Скорее избранность. Этого не отнять. Мы – не вы. Богоизбранные. Третий Рим... да... Но в последнее время чаще все-таки обезьянничаем. То в американцев играем, то в англичан. А так хочется иногда послать всех к черту: отвяжитесь! Да, я люблю квас! Да, я люблю блины! Вы предпочитаете устриц – жрите своих устриц, а я буду кушать блины с маслом и ходить в баню! По мне лягушку хоть сахаром обсыпь – я есть ее не буду – помните Гоголя? И не хочу я ничего и никому доказывать. Просто хочу жить, как умею!

– Вы Георгий Семенович говорите как настоящий русский патриот.

– Намекаете на мои корни? Не стесняйтесь, я привык. А я и есть настоящий русский патриот. Вот увидите, милейший, пройдет лет тридцать и евреи станут самыми верноподданными русскими патриотами в России. Как немцы двести лет назад. Мы и сейчас готовы служить России-матушке. Олигархи? У них свой интернационал. И свой бог, с которым бился еще Моисей...

Внезапно улыбка угасла на лице Георгия и он поставил бокал на стол.

– Да... бился-бился, да так и не добился – пробормотал он задумчиво – А Вы, Олег, веруете ли? По-настоящему? Не

для галочки? Спрашиваю в лоб, ибо Достоевский утверждал, что русские всегда говорят о главном. И хоть по крови, каюсь, являюсь наполовину евреем, о главном, о Боге то есть, говорить люблю и желаю.

– Кажется и евреи любят – улыбнулся я – только вряд ли Вас устроит мое мировоззрение.

– Агностик что ли? – насмешливо нахмурился Георгий.

– Вроде того.

– Это бывает. Особенно в молодости. Когда денег хочется заработать побольше. Или в морду кому-нибудь дать. Или прославиться! Потом проходит. Потом, или полное опустошение и непотребство, или – вера. Знаете, как я к вере приходил? Папа мой был марксист законченный, ортодокс. Его папа, мой дед, делегатом 3 съезда РСДРП был. С Лениным за ручку здоровался. Портрет Маркса у нас в комнате висел. Книга «Капитал» на тумбочке у изголовья кровати, как Библия, лежала. Я сам в юности хотел добровольцем в Латинскую Америку бежать. На помощь, так сказать, товарищу Че. А веровать знаете, как начал? Как-то на практике, давным-давно, в поле, как мы говорим, случилось мне быть в Новгородской губернии. И вот вечером шлялся я по деревне, скучал. Томился. Искал я себя в ту пору. Зачитывался Достоевским. Толстым. Ответы искал. И вот, вижу – церквушка стоит. Крохотная, 17 век. Открытая. Из церкви старушонки выходят в белых платочках. Мужички старые. Оборачиваются на крыльце, крестятся. На дворе 70-е годы. Атом, космос,

Гагарин, который в космос летал, а Бога не видал, Олимпиада в Москве скоро, коммунизм, райкомы, комсомол! И – вот, старушки. И церковь. А почему церковь? А потому, что 2000 лет назад распяли одного человека на другом краю земли. А человек этот сказал, что он Бог! И чтоб поверили ему, воскрес из мертвых на третий день. И ученики уверовали. И уверовали ученики учеников, потому что видели и знали – не врут! Точно видели! Какие тебе еще нужны доказательства, вдруг подумал я. Или ты хочешь сказать, что двадцать веков назад был распят обыкновенный человек, который нагородил вокруг себя гору мифов и сказок, был осужден за это, убит, как сотни самозванцев до него и после него, закопан, а безграмотные старушки этого села помнят об этом, верят и благоговейно кланяются? И это несмотря на то, что верующих убивали в первые века тысячами за то, что верили, да и совсем недавно еще, здесь, на этой земле, убивали, сажали в тюрьмы, высмеивали, презирали, а сейчас гнобят память о Нем всеми доступными средствами пропаганды и принуждения?! Я всегда считал себя человеком в крайней степени рациональным и трезвым, в экзальтацию никогда не впадал, сентиментальным никогда не был, и поэтому был сражен очевидной мыслью: если то, что я сейчас вижу – старушки, мужички, деревянная Церквушка – реально, значит – Было! Воскрес! Других объяснений нет!

Георгий размахисто перекрестился.

– И что же, сразу пришли в Церковь? – спросил я.

– В тот вечер только зашел. Храм был сельский, бедный... Помню догорали свечи перед алтарем, пахло прогорклым маслом. Какая то девушка в белом платке, торопливо крестилась перед иконой. Заметив меня, склонилась и пошла к выходу. Переоблачившийся священник настороженно, украдкой наблюдал за мной, перебирая требник у аналоя. Я почему-то подумал, что наверно и первые христиане собирались так же в пещерах, пугаясь незнакомых лиц... Кто его знает – вдруг предатель? Римский шпион? Или, нынче – какой-нибудь агент КГБ? Вернувшись в лагерь, я встретил начальника экспедиции, он о чем-то возбужденно стал рассказывать мне, размахивая руками и я вдруг почувствовал, что он мелет чепуху! Что он не понимает главного! Какие-то тетрадки пропали, какая-то проверка... Друг мой, да ты хоть помнишь, что случилось 2000 лет назад? Успокойся. Тетрадки найдутся. А мы спасены! Такой, знаете ли, восторг. Всю ночь бродил по лагерю, как блаженный. Правда, потом это прошло... Затянуло в быт, в работу... Семья опят же. Пришло много лет спустя.

Он замолчал. Потянуло ветром, на стол, кружась, упал сухой лист

– Засуха – пробормотал Георгий, вздохнув – А вы, Олег, выходит потерялись? Ищите выход?

– Выходит так – вздохнул я. – «Житие мое!». Знаете, я еще в юности счастье искал. Упорно так, конкретно. Обстоятельно. Цель себе поставил: стать счастливым! Верил, что

человек создан для счастья, как птица для полета, помните? У меня даже собственный афоризм был на все случаи жизни: «кто счастлив – тот и прав!»

– Любопытно. ... тот и прав, говорите?

– Ну, да! Не удовольствие искал, заметьте, а именно счастье. У меня в дневнике даже специальный значок был в календаре – такая загогулина, которая обозначала, что день был счастливый. Скобочки такие... Сначала их штук восемь в месяц набиралось, потом три, потом одна и то не всегда, а потом и вовсе ни одной. Но и это меня не остановило. Стал экспериментировать. Транквилизаторами баловался – думал спокойствие обрести, антидепрессанты принимал... к счастью, не долго. В лес ходил рано утром, благо он у нас под боком был. Вдохновение хотел поймать. Медитировал. Руки к небу протягивал, солнечную энергию искал... Думал только о хорошем. Контрастный душ принимал. Чай крепкий пил. Понимаете? Ловил призрака сачком для бабочек. Закончилось все тем, что в магазине, в очереди, мужика чуть на тот свет не отправил. Замечание мне сделал. Как раз после медитации...

– Сочувствую.

– А то вот в последнее время пытаюсь жить «здесь и сейчас». Может быть слышали? Модная теория. Прошлого нет, будущего нет. Есть настоящие. Миг. За него и держись, как в песне поется. Какой-то американский психолог придумал... Только, по-моему, все это жульничество.

Георгий Семенович крикнул.

– А знаете, Олег, я знаю одного человека, который, пожалуй, освоил эту методику успешно. Есть у нас в деревне такой Тимофей по батюшке Матвеевич. Вот он действительно живет одним днем. Пропил все до последнего гвоздя. Я ему втолковываю: Тимофей, ты хоть подумай, что завтра кушать будешь? Вспомни, у тебя справный дом был, а теперь? А он мне: Семеныч, что было – то быльем поросло, я не знаю, что будет завтра и знать не хочу, а сегодня опохмелиться надо, дай на бутылку! А? Годится в ученики американцу?

Я невесело улыбнулся:

– Как знать? Может быть Матвей этот и понял главную суть жизни... Никаких тебе забот... Я иногда завидую слепцам. Смотрит под ноги, дальше не видит, а дальше – финиш. Он идет-идет, и – кувырк! Только и услышали: «ой!». Нету человека. А я-то финиш вижу и задаю себе вопрос: доколе? Доколе буду углубаться, яко пчела, может быть пора послать все к чертовой матери и загулять? Шукшин ведь правильно говорил: праздника-то хочется!

Хозяин кивнул, схватив бороду ладонью.

– Хочется, конечно... Вот и нашей Лизе хочется. Она же не злой человек, бабушку любит. А счастье ее знаете, как выглядит?

– Догадываюсь. Сегодня на реке рассказывала. Понимаю к чему Вы клоните. Но счастья-то все равно хочется!

– Да нет его. – спокойно возразил хозяин.

– Как... нет?

– Так и нет. Попробуйте вот в эту самую минуту стать счастливым. Ну? Что?

– Я не могу.

– Правильно. И не пытайтесь. И медитация не поможет. стакан водки, пожалуй, поможет сильнее... только я не видел что-то счастливых пьяниц. Счастье всегда приходит неожиданно. Бог посылает его грешникам ка некое болеутоляющее в минуты душевных мук и томлений. Чтоб не забывали Его. Чтоб помнили, что Благодать есть и слаще ее нет ничего на свете.

– Согласен на благодать!

– Заслужите ее. Как? Ведь Вы же спортсмен. Забыли, как завоевывается победа? Вы сгоняете вес, бегаєте до седьмого пота, отжимаетесь от пола, тягаете гирию! Долгие, изнурительные тренировки и вот, наконец, Вы на ринге, или на татами? Бой! Победа! Вы победили! Не только соперника, заметьте – себя! В духовной жизни тоже самое -борьба! С дурными помыслами, с похотью, с соблазнами... Терпение, пост, молитва. И тогда, быть может, благодать...

– Быть может?

– А Вы что, никогда не проигрывали на ринге?

– На татами... Бывало. Я вообще-то тяжело переношу поражение. Смирение у меня... странное какое-то. Приходилось и врага прощать настоящего, а один раз чуть мужика не убил в ресторане: сказал мне что-то поперек по пьяни. Как

такое может быть?

– Так ведь врага прощать было красиво! благородно! Вот он, на коленях! Аплодируем, аплодируем! Медаль на шею! А тут – какой-то пигмей осмелился твякнуть... Ну, Вы его и поставили на место, чтоб знал, с кем связывается...

Я хмыкнул. Точно. Забавный все-таки был мужик. Мне хорошо было с ним, интересно. У меня был несколько лет назад свой психоаналитик, из «Бехтеревки», с ним тоже было интересно. Только он разыгрывал свой интерес за деньги. А это все равно, что любовь проститутки: она может охать и ахать сколько угодно, ты здесь ни при чем – за все заплачено!

Прервало наш разговор тонкое твяканье с завыванием. Жулик мчался через сад с воинственно развевающимися ушами и болтающимся языком, но в последний момент его отвлекла стрекоза и он вильнул в сторону. За ним шла Лиза, одетая в джинсы, с веткой черемухи в руке. Она не удивилась, увидев меня и тут же присела к столу.

– Пьете? Так-так... Я тоже хочу.

– Не дам.

– Дядя Жора!

– Зачем пришла?

– Бабушка просила соли. У нас кончилась. Найдется?

Георгий Семенович забрал бутылку и пошел в избу. Лиза мгновенно оценила ситуацию и схватив мой бокал тут же выпила его.

– Твое здоровье! Вкусное. Я вино люблю. Не то что само-

гон. Фу! Как Тимоха его пьет только? Ты чего сегодня испугался? Что же ты такой пугливый? А? Покажешь мне свою машину? Пожалуйста! Я буду паинькой.

Хозяин вышел с кульком и вязанкой сушек.

– Передай, Авдотье Никитишне, что прополис занесу сам, на днях. Тут чай и соль, как просила. И вот тебе гостинец.

Он протянул Лизе конфету и кулек с пакетом.

Пора было прощаться. Георгий Семенович крепко пожал мне руку и взял с меня слово непременно быть его гостем. Лиза хмуро кивнула мне, когда я помахал ей рукой.

Разговор с Семенычем глубоко запал мне в душу. Я возвращался медленно, заложив руки за спину, стараясь дышать ровно, как меня учили когда-то американские учителя. Думал. Счастье в моей жизни было, я точно помнил, это не выдумка; и сейчас я понимал, что оно всегда было совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. К нему не надо бежать на край света, к нему невозможно вскарабкаться по отвесной круче карьеры или успеха. Вот оно! Вспыхнуло и погасло. Опять просияло... Я даже ощущал его теплое дыхание на лице, когда набегал ветерок. И вдруг хочется заплакать от восторга или тихого умиления и благодарить Кого-то: спасибо! Спасибо! Хорошо! Еще, еще пожалуйста! Не уходи! И вот зря попросил – уходит, уходит оно, как солнышко в серое облако, набегает уже не теплый, но прохладный ветерок, блекнут яркие краски, вновь горько сжимается сердце. Куда ушло? Зачем?! Как удержать? Был у нас в бригаде веселый,

смешливый паренек Сеня, он был уверен, что счастье всегда можно купить, как кулек конфет в магазине. И действительно покупал его у знакомого дилера по пятьсот рублей за дозу. Я пытался ему втолковать, что это обман. Сеня смеялся. Он вообще был смешливый. Даже перед смертью, когда печенка отказалась работать напрочь, он пытался смеяться. По-моему, это был его бунт против Бога.

Я не хотел бунтовать. Я готов был сдаться. Правда с поднятыми знаменами и под барабанный бой. Может в этом была проблема?

Вечер был восхитителен. Солнце садилось в далекую березовую рощицу, которая в детстве манила меня тем, что я там ни разу не был и я придумал про нее целую сказку с принцессой, троллями и эльфами. Много лет спустя я обнаружил, что рощица скрывает обыкновенную деревеньку, и березы в ней были самыми обыкновенными, с почерневшими стволами, а внизу не пройти было через бурелом и высокую крапиву. Детские сказки вообще не стоит перечитывать, если хочешь, что бы их волшебный аромат не выветрился до самой старости.

В поле потянуло теплым ветерком. Небо остывало, наливаясь синевой и над рекой неподвижно висела серебристая щука с подтаивающим хвостом. Припозднившиеся чибисы носились над травой и взволнованно кричали, собирая птенцов ко сну. В такой час грешно было и думать о постели. Я подумывал уже было о том, чтобы искупаться перед сном,

как услышал за спиной шаги. Лиза торопливо догоняла меня, Жулик без всякого азарта поспешал следом.

– Привет! – сказала Лиза, отдуваясь – Бежала за тобой, как угорелая. А ты ничего не слышишь. Ты домой? Я провожу тебя.

Весь вид ее говорил о том, что возражать бесполезно. Мы пошли медленно, поднимая ногами облачка пыли с дороги.

– Скучно! – наконец сказала Лиза, пнув с дороги камушек. Жулик скаканул за ним следом на обочину, отпрянул и оглянулся, ожидая дальнейших указаний.

– Дурак. – равнодушно сказала ему Лиза.

– Послушай, Лиза, а парень у тебя есть? Ну, кроме твоего цыгана...

– Жених что ли? Смеешься? У нас одни дебилы. Не веришь? Сам можешь убедиться. Вовка после восьмого в училище пошел, в Струги Красные, трактористом хочет стать. Кому они нужны, трактористы эти? Колхозов не осталось. Вовка в армию собрался, Женька отцу помогает... Жопа полная. Тоска. Видеть не могу. Женька пытался ко мне подкатиться. «Мы с тобой, да я с тобой!» Ага, коров доить, гусей пасти... Без меня, пожалуйста... нищету плодить. А ты в Америке бывал?

– Бывал.

– Ну? – она толкнула меня в бок – Расскажи. Как там? Негров полно?

– Хватает. И дураков тоже.

– Я негров люблю. Они такие клевые. Знаешь, я осенью решила: уеду! В Питер. Только вот не знаю, где устроится на первых порах. Поможешь?

Я промолчал.

– Мне только на первых порах. А там уж я дам всем просрать.

– Ага, видали таких... на Искровском стоят чрез каждые пятьдесят метров. По червонцу штука. Тоже приехали покорять.

– Путаны?

– Шлюхи.

– Путаны тоже разные бывают. Мне Яшка рассказывал, что красивая путана в день по триста долларов имеет. Да мне хотя бы сто на первый случай – я здесь за месяц столько не заработаю. Купила бы плеер, как у тебя, джинсы «вранглер», косметику французскую... Квартиру сниму, клиентура своя будет.

– Это тебя Яшка научил?

– Не только Яшка, все это знают. Яшка хороший, только дикий немножко... С придурью. У него своя тема.

– Наркотики?

Лиза не ответила.

– Мать-то как?

– Никак. Пусть хоть сдохнет под забором.

Я решительно остановился.

– Слушай, девочка, давай начистоту: мне не нравится этот

базар. Если бы кто-нибудь посмел сказать о моей маме плохое – я бы дал ему в морду. А может быть и еще что-нибудь похуже, поняла?

– Ух ты! Убил бы его? Из пистолета? Я видела, в «Бригаде»... Он ему бац-бац в рожу! А тебе приходилось убивать?

Она не издевалась, она смотрела на меня широко раскрытыми от ужаса и восхищения глазами. Вот в чем дело.

– Я никому не скажу! Я понимаю!

– Что ты понимаешь-то, что?!

– Закон молчания. Женька рассказывал: умри, но не выдавай! Ты смотрел «Крестного отца»? А ты кто по рангу? Босс? Или бригадир?

Злиться не было сил. От благостного настроения не осталось и следа. Мелкий бес сидел у меня на плечах и злорадно хихикал.

– Лиза, давай договоримся. Если ты хочешь, чтобы мы остались друзьями: ни слова о пистолетах, убийствах, бригадирах и боссах. Договорились? Я не тот, о ком ты думаешь. Я приехал в деревню отдохнуть и больше ничего.

– Разве я против? Отдыхай. Ладно, не буду. А поехали завтра кататься? В город? Олежек, очень прошу тебя! В школу заедем, на рынок? Я буду тихой – претихой. Ладно? А то я здесь от тоски сдохну. Бабушка только рада будет. Ей лекарство нужно купить. Поехали?

Я подумал. Вообще то и сам собирался.

– Обещаешь вести себя нормально?

Лиза запрыгала от восторга. Подумала, примерилась и прыгнула мне на шею. Я с трудом стряхнул ее.

– Увидят же, ненормальная!

– Да кто?

– Дед Пихто! Сестра моя увидит. Дядя Коля, кто угодно. Марш домой!

Лиза уходила неохотно, оборачивалась, словно ожидая, что я отменю команду. Жулик заплетался в ее ногах пока не получил пинка. Я терпеливо ждал пока она не скрылась из виду. И тут только до меня дошло, что я влип.

5 глава.

Не буду лукавить. Полночи я не мог уснуть, думая о Лизе.

Не нравилась мне вся эта история. Такое было впечатление, что все возвращается на круги своя. Покой лишь коснулся моей души и вот, пожалуйста, вернулось беспокойство. Проснулись и старые желания, от которых я бежал. Вылезли из прелых листьев подсознания, зашипели, подняли головы гады ползучие... «Что ты творишшшшь... Возвращайся!» Опять пришло ощущение, что меня толкает в спину, как конвойный, какая-то неведомая сила, а идти страшно было. Лиза обещала кучу неприятностей. А выбросить было жалко. Напомнило мне все это, как я завел несколько лет назад в своем загородном доме детеныша рыси: приходили друзья посмотреть, ахали, тискали, хвалили, смеялись... И я тискал и смеялся. Играл с ним часами, водил на прогул-

ку в ошейнике, пугая соседских котов. А потом котенок вырос и однажды чуть не порвал мне вену на запястье. До сих пор помню эти желтые глаза на оскаленной морде, налитые внезапной, бессмысленной яростью. Пришлось отдать знакомым пограницам на заставу. Тоже было жалко.

Утром стало легче. Сестра надавала мне кучу поручений и мешков в дорогу. Лиза пришла в нарядном голубом платье и вся сияла от счастья.

– Ого-го! – вскричала она, увидев джип, и тут же плюхнулась на переднее сиденье – вот это да! Вот это круто! Олег, прокатимся мимо нашей школы? Вдруг классная увидит? Я хочу, чтобы эта старая кочерга сдохла от удивления!

Ленка, вернувшись из огорода, с изумлением смотрела то на гостью, то на меня. Совсем ее сразило, когда она услышала, как Лиза обращается ко мне на ты.

– Олег, ты купишь мне мороженое? Я уже сто лет его не ела. Здравствуйте, тетя Лена! Как поживаете? Бабушка просила забрать у вас банку из-под огурцов. Я потом заберу, ладно? Олег, а мы быстро поедем?

– Вот так вот! Да! – сердито пожал я плечами, когда сестра посмотрела на меня как на психа.

Ехали мы и впрямь с ветерком, я люблю быструю езду. Благо Киевское шоссе позволяло. Лиза замороженно смотрела по сторонам и как ребенок вслух зачитывала название деревень на дорожных вывесках.

– Черепагино... хм... магазин открыли... Зань-ко-во...

Здесь Галка живет, у нее брат в милиционерах... Гороховое озеро! Тут мы купаемся! Заедем? Эх, купальник не взяла, дура! А там народу всегда полно!

Райцентр наш едва не загнулся во время перестройки. Спасли военные поселения, которые наплодились, когда городок стал практически приграничным после развала СССР. Однажды, в 90-х мне довелось побывать здесь вместе с Серегой. Он всю дорогу от Питера шутил и прикалывался надо мной, а тут присмирел, замолчал, вглядываясь в окно.

– Да – наконец сказал он задумчиво – Стивен Кинг отдыхает. Можно снимать ужастик без декораций. Как люди здесь живут? И на что?

Городок и впрямь просился тогда в сюжет про то, как неведомый враг разорил все вокруг: безобразие было карикатурным. Грязь была повсюду. Старые избы словно испускали дух серыми струйками дыма из труб. Заборы как будто кто-то пинал в пьяном угаре (возможно так оно и было); многие стекла в домах были выбиты, рядом с будками сидели в мрачном оцепенении худые собаки и провожали взглядами автомобили. Голые мартовские деревья только усугубляли тоскливое впечатление.

Теперь – другое дело. Цунами перемен укатило в прошлое, раздавив тех, кто не успел спрятаться. Жизнь брала свое. На окраинах появились маленькие городки для военных, рынок заголосил на разные голоса, включая узбекские и таджикские, частные дома прихорашивались и заборы под-

нимались. Мусор уже не лежал в беспорядке, но убирался в аккуратные кучи. На прилавках магазинов появились портреты Путина, военные в форме вновь вызывали уважение: продавцы на рынке еще издали призывно махали им руками, молодые, симпатичные женщины провожали их задумчивыми взглядами. Трудно истребить человека!

Лиза на рынке была подобна голодной собачке, попавшей случайно на продуктовый склад и совершенно ошалевшей от запахов, которые манили ее отовсюду. В одной руке она держала брикет тающего мороженого, другой цепко держала меня за руку и тащила меня от одного прилавка к другому.

– Буланова! Смотри! Мама миа!

Усатый, смуглый парень в сомбреро и гавайской рубашке, игравший то ли в мексиканца, то ли в индейца, тут же оценил ситуацию.

– Последний альбом! Последняя кассета осталась. Бери дорогой. Дочка слушать будет, довольна будет. Папа доволен будет.

Я почувствовал, как мой локоть сжала ладонь.

– Папочка, купи, ну, пожалуйста, ты же давно обещал!

Она запрыгала, тормоша меня за руку, и вдруг повисла не шее, чмокая меня в щеку. Продавец одобрительно улыбался.

Я купил. А заодно и плеер. А заодно и наушники. А заодно и еще две кассеты. «Мексиканец», вспотевший от неожиданного счастья, всучил мне еще бесплатно какой-то сувенир.

– Хорошая дочка у тебя, отец. Веселая. Приходите, всегда

буду рад. Удачи вам желаю.

Вышли мы с рынка с мешками. Лиза уже была в наушниках и отрешенно-мечтательным, непонимающим взглядом смотрела на меня, когда я пытался ей что-то сказать. В кафешке я заставил ее снять наушники.

– Что будем есть? Пить?

– Вино! Возьми мне шампанского!

– С ума сошла? Хочешь, чтоб меня арестовали? Хорош папа, дочку с утра-пораньше вином угощает.

Лиза захихикала, болтая ногами.

– А что? Мне нравится! Удочери меня! Я буду послушной дочкой. Все, все, все буду делать, что скажешь, а? Ну, пожалуйста, папенька!

Подошла женщина-официантка с блокнотом.

– Что будете есть-пить?

– Попросите моего папу взять шампанского! – Лиза умоляюще сложила руки.

– Лиза, прекрати! – прикрикнул я.

Официантка улыбнулась мне и вздохнула.

– Моя такая же. Соплюха, а шампанское любит.

Я заказал чай с пирогом. Лиза быстро управилась со своей порцией и вопросительно подняла на меня глаза.

– Кушай. Ты хоть завтракала сегодня?

– Неа... я эту картошку видеть не могу. Бабушка говорит, что это лучшая еда... Ага, как же... лучшая... Сама слаще морковки ничего не ела, вот и лучшая...

– А когда ей было есть пирожные-то? Сначала война, потом дочку растила, теперь внучку... Бабка-то знает про твои планы на жизнь?

– Нет! – Лиза сердито отпихнула от себя тарелку.

– Вот видишь? Ты уедешь – она одна останется. Тяжело ей будет одной -то...

– Слушай, знаешь?! – голос Лизы зазвенел – Вот не надо этого, понятно? Я сама разберусь. И не трогай бабушку! Я денег заработаю – она нужды знать не будет! Я все уже обдумала. А тут останусь – пропадем обе. Куда я тут?! Неужто сам не видишь?

Краем глаза я заметил, как встревоженно переглянулись официантка и продавщица за прилавком.

– Ладно, Лиза, тише. Твоя мама где живет? Хочешь, мы навестим ее? Гостинцев купим?

Лиза в изумлении уставилась на меня.

– Шутишь?

– Нисколько. Магазин рядом. Мать же!

Обшарпанная пятиэтажка, в которой жила Лизина мама была неподалеку от центральной площади. Все как обычно: разбитая дверь в парадной, запах мочи, расписанные матом лестничные стены и все-таки главные впечатления были впереди.

Обитую дерматином дверь нам открыло существо, каких я уже давно не видел: сначала красное, как помидор лицо со всклокоченными рыжими волосами высунулось наружу, по-

том протиснулось тело в лиловом халате нараспашку вместе с густым сивушным перегаром.

– Доча, ты? А где бабушка? А это кто?

– Конь в пальто! Еду тебе привезли – грубо ответила Лиза и впихнула коленом маму обратно в коридор. – Не отсвечивай хоть перед народом. Дай пройти.

Я зашел последним и почувствовал рвотный рефлекс. Во- няло невообразимо. Сивухой, дерьмом, одеколоном, прокисшей капустой, окурками, невымытыми телами... В квартире был не бардак, а просто свалка... Нечто подобное я видел лет десять назад, когда мы занимались с братвой жильем – скупали за бесценок квартиры доходяг, выселая их «в Могилев», то есть практически на тот свет. Если точнее, выселяли бедолаг в Сланцы – там их принимали ребята из местной группировки. У тамошних братков была простая задача – доходяг погружали в последний, длительный запой, после которого отвозили в крематорий. У нас был договор, чтобы процесс переправы на тот свет был гуманен и происходил по возможности естественным путем и все-таки некоторые экземпляры были удивительно живучи. Один доходяга вообще оказался двужилым. Он пил стеклоочиститель ведрами и лишь посинел лицом. Когда терпение бригадира иссякло, долгожителя опоили снотворным и уложили спать лицом в подушку... А на освободившейся адрес привозили новых. Бизнес приносил баснословную прибыль. Доходяги в любом случае доживали свои последние дни на этом свете. Многих

просто клали как мешки трухой в машины перед отправкой в последний путь, «в Могилев» – моя шутка, вычитал где-то, что так в шутили чекисты в Гражданскую, когда выводили на расстрел попавших в революционный замес бедолаг.

На моей памяти был только один прокол. Спившегося мужика, владельца трехкомнатной квартиры в Веселом Поселке, готовили к отправке. Что бы он не учудил что-нибудь до подписания документов, выдали ему приличный аванс. Когда заявили с нотариусом и документами в адрес, увидели живописную картину – мужичонка лежал среди оберток от «Марса» и «Сникерса», полдюжины пустых бутылок из-под «Амаретто» и коньяка, остатков твердокопченной колбасы – мертвый. Все-таки учудил. Посмеялся над нами. Серега в сердцах даже пнул его ногой. Думаю, ему аукнется это еще на том свете.

Теперь провернуть такие схемы было гораздо сложнее и думаю поэтому еще до сих пор Лиза не лишилась своего жилья. Жилья? Мой Бог! Что еще можно добавить к тому, что посреди комнаты, в которую я только заглянул, на полу лежал кусок засохшего дерьма.

Мы оставили пакеты в коридоре и выскочили на лестничную площадку. В спину нам еще несло плаксивое, хныкающее:

– А чаю то? Чаю? Чаю... пппопейте!

Лиза молчала и дрожала в машине, склонив голову к коленям. Внезапно она разревелась.

Я не успокаивал, не уговаривал, просто рулил. В такую минуту, что не скажешь – все будет мимо.

На центральной площади у церкви я припарковался, мы спустились к цепному мосту и присели на берегу. Река сильно обмелела в последние дни и была сплошь затянута длинными зелеными и лиловыми водорослями, над которыми кувыркались бабочки и какие-то мелкие птички.

Лиза сидела нахохлившись, шмыгая носом, глядя перед собой покрасневшими глазами.

– Знаешь, Лиз, а ведь в этом самом месте я впервые искупался в этой реке. В детстве. Мы с отцом только приехали в город, ждали автобус, а я как увидел реку так и скатился кубарем сверху. Тогда тут машин совсем мало было. А у церкви автовокзал был, мороженым торговали. Мороженое местное было: льдистое, помню, какое-то ненастоящее. А по мосту еще автомобили ходили. Новый мост еще не построен был. Сначала в одну сторону едут, потом в другую....

– Ненавижу ее. Чтоб она сохла. Убедился теперь? Что скажешь? Что мама – это святое?

– Лиза, послушай... Постарайся понять. Есть в мире страшные болезни. Шизофрения, например. Или рак, слышала? Заболеет человек и кричи-не кричи, бейся-не бейся, а поделать нечего... Только к врачу. Твоя мать больна. Болезнь страшная, согласен, но это болезнь. Пожалей ее. Прости ее.

– Простить? А она бабушку бьет – ты знаешь?! Тоже простить? Я последний раз схватила сковородку, замахнулась,

как закричу: убью, если еще раз тронешь! И убила бы! Бабушка сковородку выхватила, меня выпихнула с кухни... А эта льет крокодиловы слезы: доча! доча! Тьфу! Ненавижу! И зря мы ей подарков напокупали. Все пропьет теперь. Лучше бы бабушке чайник купили. Она мается с этой печкой каждый раз.

Мы купили чайник. Купили еще всякого барахла. Настроение у Лизы повысилось. Она грустить долго не умела.

Я отвез ее обратно до камня, дальше дороги не было даже для моего джипа, и она, обвешанная сумками и пакетами, пошла по тропинке вверх, оглядываясь и изо всех сил улыбаясь, качая бедрами, подпрыгивая, словом, всем видом говоря: спасибо, спасибо, спасибо!

За ужином сеструха долго и безуспешно выпытывала из меня подробности нашей поездки. Про визит к маме я так и не рассказал. Сестра вздохнула, наконец.

– Она ведь начинала в моей школе. Толковая была девочка. А потом, как папашу посадили, мама пить начала, гулять направо и налево. Раньше бы за такое родительских прав лишили, а сейчас... Хорошо бабушка Авдотья жива еще. Приглаживает. Да как углядишь? Весной связалась тут с цыганом, Яшей. Он ей в отцы годится. Правда, мы тут в РОНО написали письмо, участковый наш вмешался. На этом Яше, скажу тебе, клейма негде ставить. А толку... Школу закончит и поминай как звали. А ты-то чего вдруг?

– Жалко стало.

– Жалко... Она в жалости ничьей не нуждается, скажу тебе. Смотри... как бы тебя не пришлось жалеть...

Ночевал я на сеновале, на перине, которую набил сеном. Корову Ленка не держала, овец тоже. Было с пяток кур и петух. В сумраке они шуршали на насесте и изредка переговаривались спросонья тихим квоканьем. Иногда над головой зависал комар и долго примерялся для атаки. Я терпеливо ждал, чтоб одним ударом завершить его земное путешествие. Почему-то вспоминались при этом буддийские монахи из документального фильма, и как они метут перед собой веником, чтобы ненароком не раздавить какого-нибудь муравья. Потом я вспомнил того самого пьянчужку, помершего среди фантиков «Сникерсов» и бутылок «Амаретто» польского разлива, и у меня сжалось сердце. Сам не знаю почему, но этого бедолагу я вспоминал часто. В комнате он лежал на полу, в спортивных рейтузах и порыжевшей тельняшке, подогнув к животу колени и положив под голову руку. Я еще подумал, увидев, что так, наверное, он спал в детстве. Открытая бутылка коньяка была наполовину пуста. Интересно, подумал он, раздирая обертку «Сникерса», что жизнь удалась? Абсолютно никчемный человечешко. Серега презирал таких, говорил, что они мусор эволюции. Потом я вспомнил смертельно усталое лицо женщины, которая отправлялась «в Могилев» вместе с пьяно улыбающимся дебилом-сыном и ее тихое «спасибо», когда Жека закинул последний тюк в кузов грузовика. Понимала она, что ее ждет? Такого опустошен-

ного, измученного взгляда, как у нее, я не помнил. Ей было уже все равно. И все-таки она благодарила нас, таких же молодых, как и ее сын, за помощь – это был тихий глас человека в орущем, жрущем, абсолютно бесчеловечном мире. Мы возвращались в Питер этим вечером по раздолбанному таллинскому шоссе в полном молчании. Может быть, каждый из нас вспомнил о своей матери, не знаю. Просто погано было на душе и напились мы на ночь глядя, с Жекой, в хлам.

– Ты что думаешь, – орал Жека мне в лицо – я буду всю жизнь заниматься этим дерьмом?! Хрена вам всем! У меня все продумано. Уеду! Есть одно местечко! Не скажу где! Хрен вы меня там найдете! Буду уток кормить... в пруду. Не веришь?

– Не верю – отвечал я.

Жека плакал, мотал головой.

– Нет, ты верь. Пожалуйста. Нельзя не верить... Я Аньку люблю, понял ты? Всю жизнь за нее буду молиться...

На моих глазах Жека разнес голову пацану бейсбольной битой, когда тот опорожнил мочевой пузырь на колесо моей машины. Я тогда так и не мог понять: Жека – он кто? «Правильный пацан» – сказал про него Серега. На похоронах. На Южном кладбище. Мы только что закопали Жеку в «правильном» гробу и теперь говорили «правильные» слова, а Шамиль уже подкидывал на ладони ключи от Жекиной девятки и улыбался. Зареванная Аня стояла у холмика свежей земли и тупо была по нему носком сапога. Вообще-то Же-

ке повезло. Он словил случайную пулю на «стрелке» и ушел мгновенно, без лишних слов.

Дальше вспоминать не хотелось. Петух впотьмах забил вдруг крыльями и курочки тоже заволновались. «Все!» – приказал я себе и погрузился в сон.

6 глава

– Вам плохо – не ропщите! – сказал Георгий Семенович сердито – А с чего Вы взяли, что должно быть хорошо? Если Вы годами едите сладкое и мучное и не двигаетесь, то наберете вес, а то и заработаете диабет. Вы знаете это и не жалуетесь на несправедливость! А если у человека болит душа, жалобам нет конца! Удивительно. Сейчас я обману, украду, солгу, а завтра буду весел и беспечен! Нееет, так не бывает, друзья.

– Почему же? Я видел таких.

– Бросьте! Вы принимаете нервное возбуждение за радость, а утоленное тщеславие за счастье. Гордыня ведь имеет много ликов, посмотрите глянцевые журналы и убедитесь. Только за этими лучезарными улыбками все равно стоит мрачный демон, который ненавидит всякого, кто способен по-детски простодушно радоваться жизни. Умри ты сегодня, а я завтра – вот и вся философия этих людей.

Мы уже привыкли к этим вечерним беседам. Часикам к восьми я приходил к Георгию Семеновичу в гости, он наскоро накрывал стол, я выкладывал на него банки с кока-колой, сигареты, зажигалку, с удовольствием вытягивал ноги и мы обменивались мыслями, которые томили нас целый день.

– Скажу Вам в утешение, Олег, – Георгий Семенович поднял указательный палец вверх – вы страдаете – значит живы.

Значит не все потеряно. Что Вас мучает, скажите?

– А чему радоваться, отец Георгий? – (Георгий Семенович уже привык к этому обращению) – семьи нет, работы нет, цели нет... Загулял бы, да пить вот не умею и не хочу. К азартным играм равнодушен, слава Богу. Что остается? Вот пытаюсь освоить рыбалку. Получается, что я весь такой умный -разумный ни хрена не понял в жизни. А наша недоучка Лиза, которая мечтает стать путаной, вся кипит от жажды жизни. За что ей Бог дал?

– Шутя спросили?

– Не знаю. Даже этого не знаю. У меня сейчас два пути: или погрузиться с головой в свинство, пока не захлебнусь в дерьме, или уйти в работу. И тоже с головой. По-другому я не умею.

– Лиза заходила днем. Спрашивала про Вас. Опять хвасталась плеером. Говорила, что Вы обещали ей закупить еще разных подарков... Не боитесь, что она может возомнить себе... что угодно?

– Боюсь.

Георгий Семенович удивленно поднял на меня глаза.

– Боюсь. А что толку? Она уже возомнила. Хочет ехать со мной в Петербург. Карьеру делать. Только вот еще не решила: путаны или манекенщицы. А я должен помочь ей на первых порах. Как Вам такой расклад?

– Я... я даже не знаю... элементарная порядочность...

– Георгий Семенович, – перебил его я – неужели Вы ду-

маете, что меня можно так дешево купить? Я не педофил, и псковская нимфетка с оцарапанными коленками меня не торкает, извините за плохой французский. Только ей на мою порядочность похоже наплевать. Как и на Вашу. Мы с Вами для нее два любопытных троглодита, которые каким-то чудом не вымерли во время катаклизма. Все стремительно эволюционировали, а отец Георгий по-прежнему ест травку. Зато не кусается, слава Богу. Поверьте, у нее всегда найдется какой-нибудь Яшка, который наставит на путь истинный быстрее, чем мы с вами.

– Я тоже думал об этом – тихо ответил Георгий Семенович – признаюсь, у нас был с ней серьезный разговор. С месяц назад. Мои друзья в Петербурге могли бы помочь на первых порах устроиться. Только...

– Понятно. Только не проституткой. В этом все и дело. Похоже мы с Вами ничего не можем сделать, а, отец Георгий? Вы, по крайней мере, можете помолиться о заблудшей душе рабы Лизы.

– А Вы? – все так же тихо и как будто устало спросил Георгий Семенович.

– Пробовал. Не выходит.

– Вижу, Олег, Вы страдаете, а сказать не решитесь... Любите говорить про бессмысленность, а сами мучаетесь. Бравируете. Силой хвалитесь. А глаза больные. Если все бессмысленно – что мучает? Одной бессмысленностью больше, другой меньше... Может Вам пора на исповедь сходить?

– Это в церковь что ли?

– Ну, да, а куда еще? Вы крещеный ли?

– Спасибо бабушке. Здесь, кстати, и крестили, неподалеку. У меня ведь корни из здешних мест. Нет, знаете ли, на исповедь не готов... Я и себе-то исповедоваться боюсь, не то, что чужому человеку. Мне вот другое интересно, раз уж мы заговорили об этом. Часто думал об этом, а спросить некого. Вот, предположим, верует человек, по-настоящему верит. Это же как его должно переколбасить, извините? Он же сиять должен, по ниточке ходить, его же за версту видеть должно? Вот, он! Идет! Верующий! Впереди у него – рай, вокруг возлюбленные братья, позади сплошные добрые дела! А как иначе? Шаг влево, шаг вправо – расстрел! Только вперед, к Царствию Небесному. Я извиняюсь за грубость, конечно... Но действительно, если веришь – зачем грессишь?

Отец Георгий кивал головой, словно много раз слышал подобное и теперь не удивлен.

– Вы знаете, Олег, у меня был приятель, тоже реставратор, Коля. У него был диабет и куча разных других болячек. Ему категорически нельзя было сладкого. Он знал – заметьте, не верил, а знал! – что умрет, если не будет соблюдать диету. И... ел. Особенно любил мороженое с шоколадом. Ел и плакал... В прошлом году мы его похоронили. Человек знает, что для того, чтобы чувствовать себя бодрым и здоровым, нужно заниматься физкультурой, соблюдать режим, не набирать лишний вес, и что же? Многие соблюдают? В мире

существует закон, который никому еще не удалось обойти: хочешь счастья – заслужи его! Потом! Как спортсмен, который кует победу на тренировках. А иногда и кровью. Чтобы накачать мускулы, как у Шварценеггера, нужны годы изнурительных тренировок. А чтобы «засиять», как Вы выразились, нужно стать святым. Через узкие врата достается Царствие Небесное. Широки врата для греха: выпил стакан водки и – счастлив. Согласны?

– Нет. Зачем столько препятствий? Почему нельзя сразу хоп! И счастлив?

– Как наша Лиза? А Вы верите в ее счастье? А ведь это ее философию Вы только что озвучили. Она поэтому так и стремится в Питер. Там этих «хоп!» предостаточно.

– Да... лет на пять ее, пожалуй, хватит. Если на наркотики не подсядет или пить не начнет... А потом не знаю...

Так уж получалось, что наши разговоры с отцом Георгием всегда заканчивались Лизой. Георгий Семенович сокрушался, что не видел выхода из тупика. Я мало-помалу втягивался в эту историю, чувствуя с неким внутренним протестом, что втягиваюсь в очередной блудняк, который ничего кроме забот не обещал мне в будущем.

Лиза, как бездомная собачонка, которую угостили косточкой, прикипела ко мне сразу. Это раздражало и пугало меня, но я ничего не мог с этим поделать. Собачонка лишь отскакивала назад, когда я прикрикивал на нее с фальшивой суровостью, но тут же скакала от радости, виляла хвостом,

запрыгивала на колени, стоило ей уделить толику внимания. Утром она уже заявлялась в гости, прямо к завтраку, всерьез зля сестру.

– Пришла – не запылилась! – ворчала Ленка, когда громко скрипела на пружинах и бухала входная дверь веранды и в комнату, раздвигая тюлевые занавески, втискивалась белая голова, украшенная панамой. – Что, дома не сидится?

– Здравссьте, тетя Лен! Приятного аппетита! Привет, Олег!

– Какой он тебе Олег? – сердилась Ленка. – Олег Владимирович он тебе, поняла?

– Поняла, тетя Лен! Олег, на твою машину голуби насрали. Видел?

– Надеюсь, ты уже вытерла?

– С чего это вдруг? Твоя машина ты и вытирай. Под деревом ставить не надо.

Сестра возмущенно набирала в грудь воздуха, готовясь выпустить его с ядовитой тирадой, но не дождавшись паузы, махала рукой.

– Есть будешь?

– А можно? Буду, конечно. Ух ты, сырники мои любимые. Я со сметанкой люблю!

– Ешь с чем дают!

– С вареньем тоже клево. А с гущенкой еще лучше.

– Бабка Авдотья здорова ли?

– А что ей будет? В огороде возится.

– А ты помогла бы? Тяжело небось?

– Неа... не тяжело. Я предлагала – она говорит: иди гуляй, сама справлюсь! Бабка у меня боевая, даром что у немцев батрачила.

Ленка кидала на меня красноречивый взгляд. Я пожимал плечами.

После завтрака мы шли с Лизой на реку. Задами, стараясь не попадаться на глаза соседям. Выходило, что мы прятались, а это было нехорошо, могло вызвать дурные толки, но и шагать через всю деревню напрямик к реке я не мог. Один раз решился и зарекся. На нас глазели все кому не лень. Лизку знали все и как видно не с лучшей стороны, хотя и относились к ней с сочувствием.

– Лиза, как там бабушка, не хворает ли?

– Нормально.

– А мама?

– А мама в жопу пошла.

– Лиз! Ну, про мамку-то, нельзя так, небось?

– А вы не спрашивайте.

– Олег! – выглядывал из-за плетня сосед Борис – никак невесту себе нашел у нас? Гляди, она с норовом! Лизка! Ты когда мне должок отдашь? Забыла?

– Забыла. Свидетели были? Нет. Ну и до свиданья!

Дядя Боря не знал, злится ему или смеяться, чесал затылок, качал головой, говорил в полголоса.

– Ну, зараза, а? Достанется же кому такое сокровище.

– Не бойся, дядя Боря. Тебе не достанусь. Разве что раз-

богатеешь, тогда и зови.

Пока шли – вспотел весь. Вышли из деревни – отругал ее. Она рассмеялась.

– Делать им нечего вот и зырятся. Еще я буду внимание на них обращать.

Задами было проще. Мы спустились к камню и я залез на его горячую шершавую поверхность, а потом помогал влезть и Лизе. Одежду мы оставляли на берегу. Однажды Лиза призналась, что не одела лифчик и с вызовом на меня посмотрела.

– Тут и нет никого. А ты что, грудь женскую не видел?

– Стоп, подруга. Так дело не пойдет. Или мы возвращаемся назад, или ты остаешься в платье.

– Да кто увидит?!

– Да кто угодно! Я увижу!

– Да смотри на здоровье! На! Видишь? Красивая?

– Опустит платье, я сказал! Дура!

– Сам дурак. Покраснел то... Как дите малое, честное слово. Что тут такого? Смотри, маленькие совсем, у тебя и то больше. Только у меня сосочки больше. Давай сравним? Сдурел совсем?! Больно же!

Это я по заднице ей шлепнул. От души. И платье рывком задернул на бедра.

– Ты совсем спятила? Меня же упечь могут! Ты понимаешь, что я тебе уже давно в отцы гожусь? Не смей себя так вести!

– Как? – Лиза захныкала, непонятно, то ли всерьез, то ли издеваясь – я себя хорошо веду, а ты придумываешь! Сам придумываешь все! Это тебе стыдно, а не мне!

Как специально по берегу на мопеде проехал мужик, помахав нам рукой.

– Лиза – я старался говорить спокойно – ты хочешь встретиться со мной?

– Да! Хоть всю жизнь!

– Тогда усвой: вести себя со мной надо прилично. Поняла? Мне наплевать, как ты привыкла. Ты не должна ставить меня в неловкое положение.

– Даже когда мы одни?

– А что это меняет?

– Как что? Ты боишься огласки – это я понимаю. Но если никто не видит – что нам мешает...

– Что?

– Любить друг друга.

– Ты опять?!

– Олег, я же сказала тебе: я уже не девочка. Ну что ты так боишься?

– Да какая разница? Я не люблю тебя! Не лю-блю!

– Не говори так! Пожалуйста! Не смей! – на глазах Лизы появились слезы – Я... я не хочу слышать этого! Зачем ты меня обижаешь?!

Что прикажете тут делать? Когда девочка плачет? Любой взрослый почувствует себя в полном дерьме. В тот день мы

так и не искупались.

Забавный она все-таки была человек. Ум быстрый был у нее, но знаний не было никаких. Мы много говорили с ней о жизни, я, как и подобает взрослому, пытался наставить ее на путь истинный, забывая о том, каким собственным путем доковылял до своих сорока лет. Впрочем, тут я не оригинален. Прекрасно помню, как наш Пека, которого побаивались даже отмороженные бойцы в бригаде, поучал при мне свою дочку перед воротами зоопарка.

– Ты мой, котенок, маму слушай! Слушай маму, золотце. Маму-папу нужно почитать и тогда Боженька тебе зачтет. Боженька любит своих деток.

И тут он увидел, что я рядом и все слышу, и покраснел до корней волос. Пека в драке становился зверем. И рычал как зверь и выл, как волк. Ему нравилось, когда его сравнивали с норвежскими берсерками. Один раз в драке он откусил щеку мужику и потом пугал пацанов своей окровавленной рожей, не хотел умываться. Умер он в больнице. В ментуре его сильно побили после задержания, потому что показания он не давал икрыл всех трехэтажным матом. Тогда навалились гурьбой и молотили по-взрослому, пока не затих после рокового удара по голове. Я никак не мог понять тогда, как все это уместается в одном человеке? И кто был Пека в конце концов – нежный отец или безжалостный бычара, наводивший страх на людей одним своим шишковатым, звероподобным лицом?

У Лизы было стойкое убеждение, что честно работают на этом свете только ее бабушка и дураки. Остальные делились на неудачников и умных. Умные в свою очередь могли быть сильными и храбрыми или хитрыми и жадными. Храбрые были ей больше по душе. Поэтому она и отдалась Яшке.

– Он достал финку и говорит ему лениво так: кто-то что-то сказал или мне послышалось? А мужик уже обоссался от страха, слова все позабыл. А Яша аккуратненько так у него бумажник вынимает и себе в карман кладет. И говорит ему: «я Вас больше не задерживаю, товарищ». Представляешь?

– Это при тебе было?

– Не... Настя рассказывала... подруга его бывшая. А как он мне целку ломал – это во-още песня. Сколько он со мной намучился тогда... Мама родная!

– А говорила не больно.

– Врала. Ты что? Я ору, как ненормальная, страшно же! И больно! Чего орешь, дура? – спрашивает – неужто так больно? А я ему: больнее, чем зубы сверлят, дурак! Мне наркоз нужен! Знала бы, что так больно будет – ни фиги бы тебе не дала!

– А зачем дала?

– Хотела, чтоб мы вместе были. Обещал с собой в Питер взять. У них знаешь – кругом земляки. Как у евреев. Все схвачено. Обманул, гад.

Не скрою, иногда слушать ее было невыносимо. В душе рождался протест. Я бы даже сказал, в душе рождался раз-

гневанный праведник, который иногда удивлял меня самого.

– Лиза, Лиза! Тупая ты курица! Ну кто научил тебя этой ахинее? Кто тебе сказал, что тебя в Питере ждут с распростертыми руками? Тебя используют как презерватив и выбросят вон! Это если останешься в живых. Одна проститутка на тысячу выгребает из помойной ямы в нормальную жизнь. Тебе рожать ребенка надо! Замуж надо! Любить надо! Не суйся ты в дерьмо сама!

Лиза спокойно выдерживала паузу (научилась!) и отвечала.

– Хорошо. Устрой меня куда-нибудь. Только в продавщицы не пойду. И полы мыть не буду. Секретаршей согласна. Или в офисе сидеть...

– А в офисе чего сидеть?

– А чего другие сидят? Знакомая рассказывала: у нее сестра в офисе сидит с утра до вечера, бумажки перекладывает, а свои пятьсот долларов имеет.

Больше всего Лиза любила кататься на автомобиле. Покорно пристегивалась ремнем, опускала окно, разваливалась на манер топовой шлюхи из дешевого фильма и бросала в рот пластик жевательной резинки. В каких мирах она путешествовала в эти минуты можно было только догадываться по ее нервно сжимающимся кулачкам, частому дыханию и румянцу на щеках. Однажды я спросил ее.

– О чем думаешь?

– Как мы с Ним мчимся по автостраде, а сбоку океан и

пальмы. А девчонки из нашего класса смотрят и кончают от зависти.

– А – он, кто?

– Крутой! Смотрел «Крепкий орешек»? Асталависто, бе-би! Бамс! А я такая типа его подружка. В купальнике, в темных очках, а в руках джин-тоник.

– И сникерс.

– Сам ты сникерс! Я серьезно! Вот это круто! Так жить можно. Хотя бы годик-другой... Знаешь, мне только поправиться нужно килограммов на десять. У меня талия 40, а грудь...

– Ну?

– Не скажу. Маленькая.

– Капусту кушай. Сразу вырастет.

– Да пошел ты...

– Правду говорю. Диетологи советуют.

– А ты можешь быстрее?

– Итак 120 идем.

– Ну, пожалуйста, еще быстрее! Обгони вон того, белого! Он нас обогнал на своем сраном драндулете. Сделай его!

Я топил педаль в пол, невольно входя в азарт.

– Так его! Так! Ко-зз-ел! Еще мигает, глянь! А еще быстрее можешь? Сколько? 170? Круто! Давай двести!

– Остынь. Я еще жить хочу.

Дороги в ту пору на Псковщине не располагали к быстрой езде, но места были дивные. Мы съездили в Опочку,

в Себеж. В Пушкинских Горах прибились к отряду туристов из Москвы и вместе с ними осмотрели дом в Михайловском, а потом отправились пешком в Тригорское. По дороге к нам привязалась дама бальзаковского возраста в просторном, белом платье и соломенной шляпе. Бесперывная, скучная болтовня выдавала в ней опытного работника из сферы школьного образования. Минут через пять после взаимных представлений она уже держала меня под руку (ой, Олег, тут так неровно! Ничего если я подержусь?) и мы сильно отстали от основной группы.

– Вы правильно делаете, что прививаете девочке любовь к отечественной культуре, Олег. Хвалю, хвалю. Невыносимо видеть, что слушает и что смотрит нынешняя молодежь. А тут сам воздух пропитан русской поэзией! Посмотрите вокруг! Эти поля, перелески... Подумать только, сам Пушкин тут ходил! Лизонька, ты любишь Пушкина?

Лиза пожалала плечами, хмурясь.

– Дочка Ваша просто прелесть. 9 класс? Самый чудесный возраст. Моя в десятый перешла. Собирается поступать на исторический. А мама осталась в городе? В Петербурге?

– Да! – поспешно сказал я, перехватив насмешливый взгляд Лизы.

– И куда мы собираемся после школы? В институт? В какой? Лизонька, я тебя спрашиваю?

– Мы не решили еще! – опять поспешно вмешался я. – Целый год впереди. Надо хорошенько подумать. Вы, Алек-

сандра Юрьевна, не позволите нам немножко отстать? Мне по нужде, знаете ли... Мы догоним.

Догонять мы, конечно, не стали. Присели в лесочке на песчаный бугорок и я перевел дух.

– Ты что, стесняешься меня? – спросила Лиза неприязненно – Боялся, что я проговорюсь? Что я не твоя дочка? Не бойся. Если тебе так удобно – буду дочкой. И хватит тебе дергаться. Я же понимаю, чего можно и чего нельзя... Не такая я уж дура...

Я взял ее руку и погладил. Она робко подняла на меня глаза и вдруг, подняв мою руку, быстро поцеловала ее.

– Лиза, что ты!

– Ты не бойся, пожалуйста, я тебя не обижу – торопливо сказала она – Я буду умницей. Ты не будешь стыдиться меня! Это я просто назло делаю иногда. Характер такой! Но я исправлюсь, правда! Верь мне!

Я обнял ее за плечи и она прильнула ко мне дрожащим телом, замерла. Так мы и сидели молча, боясь пошевелиться.

– Ты знаешь, – наконец сказал я – я ведь эти места обожаю с детства. Классе в третьем мама вывезла нас с сеструхой сюда первый раз. Помню тоже жара стояла, июль. Земляники было полно! Я собирал, мама собирала и скармливала нам с Маринкой из ладони, как голодным галчонкам. Смеялись. Я тогда первый раз в жизни наелся земляникой от пуза. Счастлив был. И с тех пор для меня Пушкин навсегда связан с жарким летним днем и душистой земляникой. И

еще с рекой здешней. Сороть. Мы, туристы, купались тогда целый час. Мама сказала, что одна девчонка увидела, как я плыву кролем и сказала своей подружке: смотри, смотри, как парень красиво плавает! У меня прямо крылья выросли. Я себя таким богатырем почувствовал! Мне почему-то кажется, что если бы Пушкин видел все это он остался бы доволен «И пусть у гробового входа Младая будет жизнь играть И равнодушная природа Красою вечною сиять» – процитировал я и сконфузился отчего-то.

– Мама – сказала глухо Лиза в наступившей тишине – в детстве... тоже... помню... В ладошку наберет ягод, а я как собачка слизываю, а она меня хватает за нос, за губы... папка смеется... я его и не помню толком, только вот помню, что смеется мужик какой-то, борода рыжая, в синей рубахе... я больше и не припомню, чтоб он смеялся.

– Папка и не пишет совсем?

– А мы не знаем, жив ли... Два года назад срок закончился. Так и сгинул где-то в Карелии. А Пушкина я читала когда-то...

– Лизка, Лизка – вырвалось у меня – как я хотел бы помочь тебе! Ведь я был таким же как ты! Молодым, горячим. Хотел всего и сразу. Деньги, машина, дом, путешествия!

– И получил же?

– Получил... Геморрой в заднице. Обман все это. А объяснить не могу. Ну вот представь, ты проснулась рано утром, настроение хорошее, ты радуешься миру, мир улыбается те-

бе и вдруг какой-то урод испортил тебе настроение. Просто сказал какую-то гадость. И все. Мир погас, настроение паскудное. А теперь представь, что ты каждый день будешь встречать таких уродов и они будут не просто портить тебе настроение, а, извини, срать в душу, да еще и в морду дадут, если что-то не так. Спрашивается, как тут можно стать счастливым? Озвереешь скоро – это так.

– А здесь мне каждый день срут в душу – это как? Об этом подумал? Хорошее настроение утром, говоришь? А у меня за последний год такое настроение и было разве только, что в последние дни. Сказать почему?

– Какая разница?

– Боишься? А я все равно скажу. Потому что просыпаюсь и знаю, что сегодня увижу тебя. Вот и все мое счастье. И не надо мне говорить всякую ерунду! Лучше молчи. А то расплачусь... Не понять нам с тобой друг друга. Из разных миров мы. Вот и Георгий Семенович, как заведет шарманку про своего Бога, про религию... Легко ему говорить. Он уже все видел. В Египте был, в Африке какой-то южной, в Америке. Только я тоже хочу мир посмотреть. Я кроме этой чертовой Великой что видела?! Остров? Спасибо! Тогда и посмотрим, кто прав... А ты... не бойся меня! Я тебя не обижу. Ты учи меня. Я понятливая. И не жадная. Я в детстве санитаркой мечтала стать. Помогать людям...

Возвращались мы домой после обеда. Ехали неспешно. Молчали. Лиза была грустна. Полдороги она слушала Була-

нову и заплакала себе платье. Я искоса смотрел на нее и начинал понимать, что уже не смогу бросить этого нелепого ребенка на произвол судьбы. И от этой мысли у меня живот сводило от страха. Что я мог поделаться? Удочерить ее? Смешно. Жениться? Еще смешнее. Я мог помочь ей материально, устроить ее на работу... что потом? Не верил я в сказки со счастливым концом. А эту сказку мне предстояло выслушать до конца.

Вечером я по привычке сидел в саду у отца Георгия за накрытым столом и держал с ним совет.

– Так Вы серьезно хотите помочь? – не первый раз переспрашивал отец Георгий, пытливо вглядываясь в мое лицо.

– Серьезно. И выбросьте, ради Бога, дурные мысли из головы! Я не настолько глуп, чтобы совершить самую большую глупость в своей жизни.

– Я не про себя. Подобные мысли могут возникнуть у кого угодно. И возникнут, не сомневайтесь, Вы готовы к этому?

– Нет. И хотел бы свести эти помыслы и пересуды к минимуму. Как? Я могу помогать материально. Например, снимать квартиру. У меня есть кое-какие связи. Я мог бы устроить ее на работу.

– Ей надо учиться.

– Боюсь с этим будет туго. Насколько могу судить, уровень ее образования близок к критическому.

– О, да – вздохнул отец Георгий. – Есть еще один момент. Бабушка, положим, будет не против. Мама?

– Думал об этом. Собираюсь к ней в гости. Не скрою, даже думаю об этом с ужасом, но – без этого никак. Надеюсь, она будет хотя бы в вменяемом состоянии. Собственно, от нее ничего и не требуется...

– Она может просить денег.

– Дам.

– Еще и еще раз. Понимаете? Вы можете стать для нее соблазном шантажировать Вас.

– Понимаю, отец Георгий, понимаю, а ответа от меня не ждите. У самого голова кругом идет. Ведь я только сегодня к этому пришел. Голова, знаете ли, кружится с непривычки.

Отец Георгий, задумчиво качал головой, молчал, но напоследок спросил, пожимая мне руку и глядя мне в глаза.

– А зачем Вам это надо, Олег?

Я пожал плечами и с усилием расцепил наше рукопожатие.

Ночью, на сеновале, закинув за голову руки, я задал себе тот же вопрос: зачем мне это? Жена ответила бы на этот вопрос так: «Потому что тебя гложет комплекс вины. Потому что ты разбил нашу семью. Потому что хочешь стать благородным на старости лет, но всегда был и останешься эгоистом». Серега обнял бы меня за плечи, и загудел в ухо: «Стареем, старик, стареем. Сентиментальным ты был всегда. А может быть просто молоденькую захотелось?». Я вдруг вспомнил, кого напомнила мне Лиза. Еще на заре моей душегубской карьеры, мы выселяли в Могилев целую семью:

мать, дочь и отца... Девчушка была совершеннейшим зверенышем. Сидела в разбитом кресле, подобрала ноги и прижав к животу како-то сверток и сверкающими глазенками следила за тем, как мои пацаны выносят мебель. На вопросы не отвечала, припухшие губы что-то беззвучно шептали. Звали ее Зина. Пьяненький отец, потерянно скитавшийся из комнаты в комнату, старался на нее не смотреть. Мать сидела в кабине водителя и пила пиво. Возле парадной собрались подростки. Они наблюдали за погрузкой молча, открыв рты. Когда Зина вышла, из группы навстречу ей выбежала крупная, черненькая девчонка и с плачем бросилась на шею. Зина отдала ей сверток, что-то сказала, остальные тоже потянулись, хлюпая носами.

– Ну чего расхныкались. Не в Антарктиду едем! Еще увидите – гаркнул, улыбаясь, Пека. Зина обернулась и обожгла его таким взглядом, что он смешался и с яростью закрыл дверцу кузова.

Я не ошибся, из свертка выглядывала пластмассовая нога куклы. Зинка прощалась не просто с друзьями и улицей, она навсегда прощалась с детством и прекрасно это понимала.

Обычно мы с Серегой после такой работы пили водку в бане, которую облюбовали на улице Новоселов, в Невском районе. Чтоб глаза не жгли воспоминания, привозили девок. Я давно заметил, если хочешь заглушить совесть – собери вокруг себя блядей. Это лучше бухалова. Бесстыжая баба способна вывернуть душу мужика наизнанку. Это как хоро-

шенько проблеваться после паленой водки. Конечно, благодать на душу не сойдет, но будет все фиолетово. Мне тогда очень нравилось состояние, когда все фиолетово. Другие состояния были гораздо хуже.

В этот вечер мы с Серегой были одни. Одни во всей бане. Банщик, получив инструкции, тоже скрылся от греха подалее. И пили мы не водку, а немецкое пиво из банок. На груди Сереги сиял золотой крест.

– Представляешь, – сказал он, отрыгнув после большого глотка – два кило прибавил. Если весы не врут, конечно. Пора завязывать с этой байдой – он кивнул на банку. – В ней какая-то хрень есть, я читал, мужикам вредно.

– Вредно? – у меня начался истерический смех – пиво вредно?

– Ну да, а чего ты улыбишься?

– Так... У нас, Сережа, скорее вредное производство, нам молоко нужно бесплатно выдавать. И путевки в санаторий. В Могилев как-то не хочется, рановато, а за путевками дело не станет.

– Ну что завел опять... свою пластинку. Сколько раз говорил: не поминай Могилев всуе. Жив-здоров, благодари Бога.

– Спасибо, Боженька! Я тут еще одного-другого чувака грохну, а потом можно и на покой. Шучу, не злись... Я просто думаю, вот закончим мы с тобой свое грязное дело, а радоваться-то когда будем? Жизни?

– Тогда и будем. – хмуро отвечал Серега, который недо-

любилвал такие разговоры. И вообще философию. – Не сомневайся. А если скучно станет – купим баб и водки. И уедем отсюда к чертовой матери! Поближе к солнцу. К океану. В белых штанах!

Удивительно, как много людей купились в то время на «белые штаны»! Никому и в голову не приходило, что ради них не надо было проламыывать головы друг-другу, достаточно сходить в магазин, что за углом. И на яхте твое пузатой тельце займет не больше места, чем в резиновой лодке. «Ради кого я стараюсь? – вдруг подумал я – смешно, но, похоже, ради Сереги. Чтоб он уважал и завидовал. И это все?»

У Сереги окончательно испортилось настроение. Он увидел на лестничной площадке мелькнувшую фигуру.

– Эй ты! – гаркнул он – а ну поди сюда!

К нам приближалась униженно скомканная фигура в белом халате. Серега развернул плечи, как царек на троне.

– Как там тебя? Геша? Геша, вот мой товарищ интересуется, есть счастье на свете или нет? Что скажешь? Ну? Говори без утайки. Как на духу. Не трону.

– Кому как – едва слышно выдавил Геша, переминаясь с ноги на ногу. На вид ему было лет тридцать, но выглядел он неважно, печенка явно дорабатывала свой ресурс.

– А ты счастлив? – допрашивал Серега строго.

– Ас чего мне... я об этом не думаю...

– А хочешь я подарю тебе счастье? – спросил загадочно Серега и потянулся к куртке. Он достал из бумажника две

сотенные долларов, подумал, достал еще одну и веером растопырил их перед собой. – Триста баксов. Хочешь – будут твоими?

Банщик переминался на месте, глядя в пол.

– И что я должен буду...

– Ничего! Спляши в присядку.

– Не умею я.

– Не бойсь! Как можешь! Даавй-давай, порадуй пацанов!

Вот так, молодец. А говоришь не умею.... Лихо! Цыганочку, ну? Оп-оп-оп! Теперь вприсядочку. Оп-оп! Заслужил. Теперь поклонись зрителям. Так... Получи! Бабе своей лифчик купишь.

– Благодарствую...

Банщик как-то заторможенно принял деньги и сунул их в карман. Он на мгновение поднял глаза и мне показалось, что они светятся ненавистью и болью. Ушел он все такой же заторможенной, шаркающей походкой. Серега крикнул.

– Как тебе концерт? За триста баксов? А спорим он и за сто сплясал бы?

– Я только не понял, к чему все это?

– А к тому, Олежек, что в этом мире остались только хозяева и рабы. Хочешь быть рабом? Пожалуйста. Да у тебя не получится. Убьешь кого-нибудь рано или поздно. Потому что мы с тобой другой породы. Порода хозяев. И не ломай себе голову всякой премудрой херней.. Этих, которых мы сегодня выселяли, уже ничто не спасет. Рабами жили, рабами

и сдохнут. А девчонка, если не дура, найдет себе кусок пирога. Фигурка у нее клевая. Подрастет и – вперед, в лобковую атаку.

Банщику деньги не пошли впрок. Неделю спустя в его смену застрелили Витю Яковлева по кличке Рыга. Следствие вели... ага, знатоки. Они быстро и грамотно распределили роли в этой заурядной драме, и отправился банщик со своей больной печенью на казенные хлеба. Серега еще долго сокрушался, что его деньги пропали зря.

Последнее, о чем я подумал в эту ночь, прежде чем заснуть, что петух утром опять до зря разбудит меня, зараза.

7 глава

Ленка лишь всплеснула руками, узнав о моих планах.

– Сумасшедший! Зачем тебе это надо! Она же хулиганка!

Оторви, да выбрось, как говорят. Добровольно гирию себе на шею вешаешь!

Я выложил ей свой план утром, за завтраком. Впрочем, план был куцый: для начала я хотел навестить Лизину мать.

– Ты же видел ее – сестра смотрела на меня как на сумасшедшего – сам рассказывал. Что толку с ней говорить? Она же забудет на следующий день. И что ты ей скажешь?

– Что попытаюсь устроить дочь в Петербурге. Чтоб она не волновалась. Денег ей пообещаю...

– Во-во-во! На это она согласится. Пока не пропьет все...

А потом?

– В любом случае пить она не бросит. На шантаж у нее просто ни сил, ни ума не хватит. Это не так просто, я скажу. Не будем преувеличивать ее способности.

– Олег, но Лизка-то не угомонится. Ты же ее не знаешь совсем. Она, как лиса, может притвориться кем хочешь, а на самом деле...

– А на самом деле?

– А вот и не знаю. И ты не знаешь, что у нее в голове. Не забывай, что она прошла такое... Бабушку она любит. Чтоб ты знал. И больше никого.

С Лизой я объяснился по пути в Остров, куда мы навещали за всякой всячиной через день. Набрался духа и выложил все: и что много думал, и что готов помочь, и что не знаю, что получится и что все зависит от того, что мама скажет... Лиза напряженно слушала, изредка кидая на меня искрометные взгляды. Лицо ее побледнело.

– Вот... Такие дела. Если тебя устраивает, конечно...

– А где жить?

– Сниму тебе квартиру.

– А где работать?

– Есть варианты. Посоветуемся. Помогу деньгами на первых порах.

– А мы будем... встречаться?

– Лиза, мне, кажется, в этом вопросе мы с тобой поставили точку. Я не имею ничего против того, чтобы встречаться, но – никакого интима. Я хочу тебе помочь встать на ноги. Сильно хочу, не сомневайся. Почему? Это мое дело. Не спрашивай, потому что и сам не могу себе ответить. Согласна?

Лиза не отвечала. Я не торопил, но через несколько минут услышал всхлипывания.

– Лиза, ты что? Если ты не хочешь...

И тогда она разревелась от души.

Перед пятиэтажным домом мы взяли тайм-аут. Я здорово волновался. Лиза привела себя в порядок, успокоилась, только красные круги под глазами выдавали ее.

– Значит – договорились. Ни в коем случае не кричи. Чтобы она не говорила. Если совсем будет плохо – уйдем. До следующего раза...

– Я останусь – торопливо вмешалась Лиза – Проконтролирую. Она иначе неделю может не просыхать. Она меня слушает... иногда. Если я сурово так...

– Ладно, посмотрим. С Богом!

К счастью, нам повезло. Лизина мама была трезва, хотя и с сильного похмелья. Она как раз пыталась навести в квартире порядок – влажная тряпка лежала посреди комнаты, хозяйка вытирала пот с лица. Меня она не помнила и была страшно удивлена и испугана моим визитом. С трудом удалось ей толковать, что я не из инспекции по делам несовершеннолетних. Мы умастились кое-как на кухне, на неудобных колесеночных табуретках и уставились друг на друга с одинаковой растерянностью. Хозяйка предложила поставить чайник на плиту, но видимо вспомнила, что нет ни чайника, ни чая и махнула рукой.

Я торжественно объявил, что готов взять ответственность за дальнейшую судьбу ее дочери в свои руки. Выслушала она мое вступление так, как будто ей зачитали первый пункт Конституции Российской Федерации – с покорным вниманием и полным равнодушием. Если и пробудились какие-то мысли в ее голове, то они были где-то рядом, похоже в буфете, потому что она вдруг потянулась к нему, открыла дверцу и заныла.

– Ведь было полбутылки, помню, что оставила. Где теперь? Лизка, ты не видела? Бутылку? Красенького?

– Мама! Ты слышишь? Я уеду! В Петербург! Насовсем! С Олегом... Олег Владимирович обещал устроить меня! На работу. Я бросаю школу. Все! Чао! Когда ты проспидься только, мама!

Доходило медленно. Предусмотрительно я захватил с собой крепкие белорусские сигареты и банку с немецким пивом. Пора, понял я. Алена Дмитриевна, закинув голову, с треском вдавила пиво себе в рот, отдышалась и закурила сигарету, благодарно кивнув головой. Миг просветления настал. Она встревоженно оглядела меня с ног до головы.

– Кто Вы?

Медленно, громко я повторил свою речь.

– Как же вы... как же я... Лизонька, рыбонька моя, ты на что же меня покидаешь, доченька моя...

Алена Дмитриевна плаксиво заныла, протягивая к Лизе руки. Случилось то, чего я боялся больше всего: начинался пьяный фарс.

– А ну заткнись! Заткнись, кому я сказала! – вдруг зазвенел с металлической твердостью голос Лизы. Она пылала от возмущения – Рот закрой свой и слушай, что тебе говорят. Я уезжаю учиться и работать в Петербург. Остальное не твое дело. А если будешь вмешиваться я такую заявку на тебя накатаю – мало не покажется. Тебя уже давно родительских прав хотели лишить, забыла?! Помалкивай теперь и не смей

хныкать. Видеть не могу!

– Лиза... – я тронул ее за коленку.

– Нет уж, скажу... Десять лет терпела. Она свою жизнь угрохала, а теперь и меня с собой хочет утащить. Вот тебе моя жизнь! – Лиза выкинула руку с фигой – Обойдешься! Я теперь свободная, понятно?! А ты... ты подыхай тут...

Спазм перехватил ее горло, она закрыла лицо руками. Мать раскачивалась в немом отчаянье, из глаз ее текли слезы.

– Лизонька, Лизонька- бессмысленно бормотала она – Лизонька, доченька моя...

Тут уж не выдержал и закурил я. Крепких, белорусских. Распахнул окно. Во дворе ребятня со свирепыми криками гоняла мяч. Взревел, погружаясь в сизое облако вонючих газов, старый мотоцикл. Жизнь шла своим чередом и это привело меня в чувство.

– Кто Вы? – наконец, впервые, задала трезвый вопрос мама.

– Школьный инспектор – уверенно произнес я первое, что пришло в голову и заметил, как Лиза бросила на меня удивленный и благодарный взгляд. – Государство сейчас активно занимается неблагополучными семьями с критически низким материальным достатком. Наша задача помочь подрастающему поколению. Лиза может получить путевку в жизнь. Если Вы, конечно, не против. От Вас, собственно, ничего и не зависит.

Алена Дмитриевна вздохнула и перекрестилась.

– Когда я была против? Всю жизнь отдала... для доченьки ничего не жалко. Лишь бы ей счастье было. А государству спасибо большое. Лизонька, я постель твою убрала. В твоей комнате. Останешься ночевать, рыбонька?

– Нет! – отрубила Лиза.

– Алена Дмитриевна! – вмешался я – Вам плохо, я вижу. Давайте мы поможем Вам? И в магазин не мешало бы сходить, хорошо?

Пол дня мы провозились с уборкой. Хозяйка главным образом сидела в кресле и кивала головой, приговаривая:

– Вот спасибо, родные. Спасибо, милые. Рученьки-ножки меня совсем не слушают, а то бы я помогла.

Сбегал я и в магазин. Приволок две сумки продуктов, забив ими холодильник. Купил и чайник, взамен уже утерянному (или пропитому?) вместе с чаем. Лиза убирала свою комнату сама. Иногда она выходила из нее с заплаканными глазами и бросала в общую кучу какие-то бумаги и фотографии. Я не выдержал и спросил.

– Фотографии-то не жалко?

– Нет – сухо ответила Лиза – мне всю эту гребаную жизнь не жалко. Все. Точка.

После уборки Алена Дмитриевна прилегла в постель. Я поставил у изголовья тарелку с пирожными и накрыл хозяйку покрывалом.

– Вздремните, Алена Дмитриевна, Вам легче станет. А

проснетесь – пирожное съешьте. В холодильнике молоко сметана, мясо, колбаса. Вам надолго хватит. Отлежитесь По-правляйтесь. Мы обязательно еще заедем. Ладно? И не пейте, пожалуйста, дайте себе отдых...

– Кто Вы? – опять спросила Алена Дмитриевна меня растерянно.

– Не важно. Спите.

Вечером мы сидели с Лизой на берегу реки. Она была непривычно спокойна и задумчива. Я бесцельно бросал мелкие камешки в воду. Жулька, как сфинкс, лежал, скрестив лапы и глядя на другой берег.

– Олег, – спросила она – а ты думаешь, что меня еще можно научить чему-нибудь?

– Конечно! Любого можно.

– Я знаешь, чего подумала? А вот если я научусь... всему-всему! Мне тогда уже восемнадцать исполнится... Ты возьмешь тогда меня замуж?

– Я уже старенький буду тогда совсем...

– Я серьезно. Я же вижу... Ты Университет кончил. Тебе скучно со мной? Но я тоже могу в Университет поступить? Могу? Мне главное, чтоб цель была. Я тогда много чего могу. Если ты мне поможешь. Могу даже матом не ругаться. Вот прямо сейчас. Курить могу бросить. Книжки читать. Я ведь в детстве много читала. У меня любимая книга была – про Чиполлино. Джани Родари, слышал? Ты думаешь, мне этот Яшка больно нужен? Да пошел он!... Я жить хочу красиво.

Бабушка говорит, что это грешно. А почему грешно? Вот мама моя, она что, правильно живет? Как свинья...

– Лиза, мы же говорили с тобой...

– Да, помню... Мама и все такое... Но ты же сам видел ее.

Разве ее можно любить?

– Трудно. Но жалеть можно.

– А что ей в этой жалости?

– Не знаю. Но знаю, что жалеть – это самое близкое к слову любить...

– Как Жулика? Когда ему перебили лапку? Он тогда едва до дому доковылял, бедняга.

– Жулька, котенок брошенный, больной... мы что, за красоту их жалеем? Любим?

– А за что?

– Не знаю, Лиз. Люди над этим вопросом бьются веками, а ответа нет. Любим и все. И может быть хорошо, что ответа не знаем. Потому что ответа нет, а любовь есть. Ну и ладно...

Мы смотрели на Жулика, а он чувствовал себя под нашими взглядами неуютно, как будто спрашивая: «ну чего вы от меня хотите-то? Могу хвостом повилять, если вам будет приятно». Грязный хвост и правда стукнул пару раз об землю.

Я потянул ему руку и он деликатно понюхал ее, опять же как будто говоря: «знаю, что там ничего нет, но если тебе так нравится этот обман, сделаю вид, что ожидал найти в ладони вкусненькое».

– Какой-то урод лапу перебил весной – Лиза потрепала Жульку за холку – скулил всю ночь. И я плакала. А бабушка бранилась. Она любит браниться. Бабуля у меня сильная... Она рассказывала как во время войны они жили тут в лесочке, на другом берегу, в землянке, с братиком и сестрой. Дядей Сашей, и тетей Зиной. Дом наш немцы спалили вместе со всей деревней, чтоб партизан отвадить... И сами жили в лесу, в землянках, а рядом бабуля с братом и сестрой и мамашей, в своей землянке... И вот как-то у Зины разболелся зуб. Мамаша отвела ее в немецкий лагерь, показывает: зуб, мол, болит у дитяти. Так немцы ее к своему фельдшеру отвели и тот зуб выдернул, молочный, наверное. А потом солдаты собрались, Зине конфет насыпали в подол и шоколадку бабке дали в дорогу... Она рассказывала: лопочут, говорит, по-своему и всякий норовит Зину по голове погладить. Истосковались видать по своим. А может помнили, как выселяли всю семью из дома. Бабуля рассказывала, что утром приехали, и всех начали выгонять. Наши успели на телегу только стол, да стулья положить. Зинка стоит на крыльце, в руках кукла, ничего не понимает, плачет. Все вокруг плачут. А дядя Вова, полицай из нашенских, кричит: ну что воете? Не в Антарктиду, чай, отправляетесь, рядом будете! Война кончится – вернетесь...

Так всю оккупацию в лесу и прожили. А еще бабка рассказывала, корова у них была, Зорька. Она и за коня была и молока давала. Только благодаря ей и выжили. А после по-

беды вернулись в деревню, начали строиться. Корова старая стала, молока не дает. Что делать? У нас в Острове тогда сдавали скот на мясозаготовку. За копейки. Собирали по весне с округи стадо, и – гнали в город. А собирали во-он там, за рекой, на горе, в Свеклино. Бабуля пригнала Зорьку в стадо, прутиком ее гонит, а та...

Лиза шмыгнула носом, отвернулась. Я не торопил.

– Бабуля говорит, поняла она все. Смотрит на нее, мычит, а из глаз слезы льются... Бабушка как вспоминает об этом и у самой слезы льются. «Всю войну нас спасала, говорит, мы на нее молились, а тут сама ее на казнь привела...». Всю дорогу ревела. Зинке сказали, что в колхозное стадо Зорька ушла, что там ей веселее будет»...

Я лег на спину и уставился в синее небо. Представил себе молодого, хмурого фрица в френче с закатанными рукавами и как он выводит из избы заплаканную девочку с куклой в руках, слегка подталкивает ее в спину к маме, делает знак солдатам: все готово, можно поджигать. И в ответ протяжный, долгий женский вой, вперемежку с детским плачем и черные клубы дыма, накрывшего деревню, скрип телег, лающие немецкие слова... Почему девочку звали Зина? Может быть, я ошибся? Нет, почему-то прекрасно запомнил – Зиной звали ту девочку, и вечер тот в бане с Серегой хорошо помню, и банщика, отплясывающего цыганочку на бетонном полу.

– Олег, Олег, Олег! – услышал я встревоженный голос Ли-

зы и открыл глаза.

– Что?

– Ты чего? Скрипишь зубами, как будто рвешь кого-то. Я испугалась.

Я приподнялся на локте.

– Не бойся, Лиза. Знаешь что?

– Что? – почти шепотом спросила Лиза.

– Теперь я буду нести за тебя ответственность. И не сомневайся, я тебя не брошу. И бабушку твою не бросим. У меня есть к тебе серьезное взрослое предложение.

– Какое?

– Давай вместе начнем новую жизнь. Ты и я! Ты будешь учиться, а я начну работать! Ты не представляешь, как можно хорошо жить! Главное, выбраться на свежий воздух! Ты думаешь, что знаешь жизнь? Ни фиги! Ты не знаешь жизнь. Твой мир ненастоящий! Обман! Ты увидишь настоящий и полюбишь его! Я уверен. Ты не представляешь, какое это счастье, когда можно без страха повернуться спиной к другу! Когда девчонка говорит тебе «да!», не потому что хочет получить от тебе, а потому что хочет отдать тебе! Не только тело, но и все, что у нее есть. Когда девушка смеется чисто, звонко, как ребенок, а юноша мечтает спасти ее от злодеев, потому что не представляет свою любовь без подвига. Это мир, в котором на заре можно заплакать от умиления, когда дарить радостнее, чем принимать, когда от жутких предчувствий не сжимается сердце и каждого хочется пожалеть!

Я говорил взволнованно, красиво, с нарастающим восторгом – себе ли? Ей ли? Не знаю. Знаю только, что говорил искренне и верил. Верил, что теперь все действительно будет иначе. И у нее, и у меня. Может быть, даже главным образом у меня.

Этим вечером я не сидел привычно на своем стуле у отца Георгия, а взволнованно ходил по саду.

– Надо, надо начинать жить по-новому ! Хватит киснуть. Пожалуй, открою ресторан. У меня есть на примете местечко. На Финском заливе, в Комарово. Связи в Курортном районе остались. Там дивно! Сосны, песок, все как полагается. Осенью, правда, штормит, но не беда. Кухня? Подумаем. Главное, найти стоящего повара. И хорошую команду. Никакой роскоши, золотых канделябров, цыган и прочее. Европейский стиль. Отличное качество продуктов и сдержанность. И Лизу можно прекрасно устроить. А? Что скажете?

Отец Георгий улыбался моей горячностью, но похоже тоже вдохновился.

– Так Вы обдумали? Все хорошенько обдумали? Не раскаетесь?

– В чем? Я свою жизнь презираю и ненавижу. В чем я должен раскаяться? Если не получится с рестораном, начну другой проект. Сяду за книгу. Построю часовню. Полечу в космос! В монастырь уйду, наконец! Жизнь только начинается, отец Георгий. Поверьте!

– Это в Вас влюбленность говорит. Да, да! Не спорьте!

Влюбленность разная бывает, не мешайте ее с грязью. Ваша – от чистого сердца. Берегите ее. И... молитесь. Как умеете. Просто просите.

– Что просить, отец Георгий?

– Как что? То, чего Вы больше всего хотите. Ведь Вы счастья всю жизнь ищите? Вот и просите Бога о благодати. Боже, даруй мне благодать Твою! Вы ее почувствуете. И почувствуете, как она уходит. Тогда делайте выводы: почему? И начинайте все сначала.

Меня распирало. Хотелось и отца Георгия облагодетельствовать.

– А почему бы Вам не принять сан? Я и церкви Вашей помог бы. Помните ту, что в Терebenях? Вы рассказывали про нее? Там ремонт нужен? Не проблема.

– Там паства нужна. Вот где проблема. Народ-то в деревнях вымирает. Да и пастырь должен быть настоящим подвижником, не мне чета. Вы мне лучше скажите, Лиза готова ли? Не фантазии ли это ее очередные?

Я с досадой пожал плечами. Говорить о том, что Лиза влюбилась или выдумала свою любовь ко мне, не хотелось. Потому что это обесценивало мои надежды и мечты. Чудо превращалось в банальную историю.

– Что бы это ни было – я не отступлю. Дело не только в ней, дело во мне. Я! Я не хочу жить по-прежнему. Мне нужно спастись в первую очередь. А Лиза? Конечно, она еще ребенок. Так ведь мы то с Вами взрослые, опытные...

Мы и поможем!

– Дай Бог, дай Бог!– проговорил про себя отец Георгий.

В этот вечер, до самой глубокой темноты, я бродил по окрестностям и вел с кем-то бесконечный разговор. Ночь мягким, теплым покрывалом ложилась на долину, посреди которой блистала лунным светом тихая река. Березовая рощица на другом берегу серебрилась. Из глубоких, темно-фиолетовых пучин неба чей-то невидимый, но осязаемый взгляд наблюдал за Землею, которая, утомившись в дневных, суетных заботах, погружалась в нервный, беспокойный сон. Взгляд утешал меня и обещал покой, но сердце мое волновалось и не хотело покоя. На окраине деревни я забрел в чащу колючих и корявых старых вишен, согнав с ветки крупную птицу, и наощупь нарвал мягких ягод. Они были восхитительно кислыми и душистыми и напомнили мне, как в детстве мы с пацанами воровали из этого сада спелые вишни у дяди Вани (да, да, как в песне!), когда он был еще жив. Юрка тогда порвал штаны на заднице, а я, споткнувшись, рассыпал ягоды из подола рубашки в крапиву, и мы ползком пытались собрать ее в темноте и давились от смеха. Вот и теперь я давился от смеха. Ел эту кислятину и смеялся. Больше всего мне хотелось, чтобы рядом была Лиза и тоже смеялась. И чтобы на душе у нее было так же чисто и радостно, как у меня. И чтобы дядя Ваня сердито рявкнул откуда-нибудь из темноты, а мы побежали бы, обдираясь, сквозь кусты в поле, чтобы там упасть в клевер и давиться от смеха, слушая его

брань. Дядя Ваня был добрый старик, мы не боялись его...

А потом как хорошо было бы лежать на спине и смотреть в чей-то вечный Взгляд из глубин космоса и дерзко ему улыбаться.... Хорошо!

8 глава

Я даже сначала не узнал ее: Лиза сменила свои малиновые шорты на белое платье в горошек, которое едва закрывало ее колени и вспыхнула, когда мы с Ленкой уставились на нее, открыв рот. На наших глазах произошло чудо: из подросткового кокона неожиданно вылупилась юная девица и теперь она смущенно и растерянно смотрела на себя в зеркало в гостиной и тревожно оглядывалась на меня и сестру...

– Что? Великовато? Это мамкино, она его давно не носит. Такие еще в 70-е носили. Бабуля достала утром из сундука, носи, говорит, невеста уже.

Она крутанулась, придерживая подол, показала зеркалу язык.

– Теть Лен, ну как? Чего молчите? Нравится? А то я его сейчас выброшу на фиг.

– Я тебе выброшу. Платье, как платье. Всяко лучше, чем твои малиновые трусы.

– Шорты!

– Один черт. Сейчас шорты от трусов не отличишь...

Сегодня мы шли гулять через деревню и деревня оценила Лизино платье.

– Олег! Куда невесту повел? Под венец что ли?

– Здравсьте, тетя Настя! Не, на реку идем. Купаться.

– Привет, Олежек! Лизка, ты в кого такая уродилась? Кра-

сава! Не в меня ли? Хошь удочерю?

– Охти, тошненьки, идут! Ну здравствуйте, здравствуйте. Смотри, Олег, девка на выданье уже. Не проворонь, они нынче быстро созревают...

Лиза выступала не как пава, конечно, но и не семенила, как ребенок: гордо несла голову, не оглядывалась, стараясь не вступать в разговоры. Я тоже перестал стесняться, словно мы с Лизой узаконили наши отношения после вчерашнего. Степенно раскланивался, вступал в шуточные переговоры. Хорошо мне было. В душе нарождался какой-то позыв, который всегда беспокоил меня сладким предчувствием перед большим, решительным делом. Июльское утро разгоралось во всем своем великолепии. Синее небо было чистым. Становилось жарко, несмотря на раннее время.

На берегу Лиза взяла меня под руку, и я впервые почувствовал робость. Это явно была робость мужчины перед красивой женщиной. Этого еще только не хватало! Лиза – красивая женщина?! Наваждение было так сильно, что я сердито выдернул руку и откашлялся. Лиза не обиделась, только опустила голову, улыбаясь. Понимала ли она уже, какой силой обладает? Надеюсь, нет, потому что с этим пониманием и уходит очарование невинного детства, а мне до смерти хотелось видеть в ней еще ребенка.

– Яша приходил – вдруг сказала она буднично.

Я оторопело остановился.

– Как? Когда приходил? Зачем?!

– Вчера. Когда мы в город уезжали. Бабушка сказала сегодня утром. Забежал на пять минут, спешил куда-то. Про тебя спрашивал.

– Черт...

Мы присели на своем любимом месте. Лиза аккуратно поправила платье, обняла колени.

– Олег!

– Оу?

– Я вчера часа три не могла заснуть. Замучила бабушку разговорами. Она ведь, оказывается, тебя помнит еще маленьким. Как вы с тетей Леной по садам лазили. Не стыдно? Я вот думаю, что не стыдно. А когда становится стыдно? Вот если я сейчас залезу в чужой сад – это уже стыдно?

– Конечно.

– Значит я уже взрослая? Да?

– Софистка ты. Лучше скажи, что Яшка твой задумал?

– А мне что? Я про него забыла совсем. У него свой табор, у меня свой. А что такое софистка?

– Умная, значит. Уболтаешь кого угодно. Не нравятся мне его визиты. Давай договоримся, придет – ты ко мне. А ему скажи, что хочу, мол, поговорить с ним. Дело есть. Серьезное.

– Скажу... А ты что, драться с ним будешь? За меня?

– А надо? Ты хочешь?

Лиза зажмурилась, пожала плечами.

– Я же не знаю. А вдруг он меня с собой позовет? Тогда

что?

– Езжай.

– Шутишь? Как это езжай?

– Ну вот что, дорогая. – я почувствовал, как закипает злость – Будем считать, что это последний наш разговор на эту тему. Хочешь ехать с Яшкой, с кем угодно – езжай. Я тебе не муж, и не отец. Уговаривать не стану. Но и обратной дороги тоже не будет. Никаких «простите, я больше не буду!» Это не ко мне. Я предлагаю только один раз. Но по серьезному, понятно?!

Взглянув на нее, я запнулся. Лиза побледнела, губы ее запрыгали.

– Ты... зачем ты... так? Я не... я не... хотела!

Она разревелась. Женщина вмиг исчезла. Плакал обиженный, испуганный ребенок и сразу стало заметно, что платье на ней с чужого плеча и на плечах краснели царапины... Оглянувшись по сторонам, я крепко обнял ее, тихо приговаривая какие-то слова утешения. Лиза затихла. Потом прогудела мне куда-то в подмышку.

– Специально сегодня Жулика не взяла.

– Специально?

– Чтоб не мешал нам. Я хотела, чтоб вообще никто не мешал нам. Чтоб мы целый день были одни. Я хотела тебе так много сказать.

– Вот мы и одни. Говори...

– Я хотела сказать... что я не такая как ты думаешь. Я и ба-

бушку люблю и маму... жалею. Только ты не знаешь, как она меня мучила. Она и про Яшку знает, и сосед к нам приходил, деньги ей предлагал за меня. А она деньги взяла и пропила, а меня потом прятала... она когда выпьет вообще на человека не похожа. Знаешь, как трудно жалеть тогда? Яшка говорит, что мир так устроен, что надо приноравливаться. Что я с ним буду как за каменной стеной. Прости, что я опять про него! А я не хочу! Я хочу по-новому! Только не знаю как!

Она опять разрыдалась. Я тогда подумал, каюсь, что взваливаю на плечи ношу непосильную.

Купаться в этот день Лиза отказалась. Краснея, объяснила – Не могу сегодня. Ну, ты понимаешь...

А я плывал долго и вдоль и поперек течения реки пока не занемели плечи. Лиза дожидалась на берегу, привычно воткнув в уши наушники. Она что-то мычала нечленораздельно, лицо ее было красным от слез, меня она даже не заметила, пока я не выключил плеер.

– Ой! Ты?

– Как это ни странно. Буланову слушаешь?

– Как догадался?

– Не трудно. Достаточно посмотреть на твое мокрое лицо. Что там у тебя, ну-ка? Ага, так я и знал – «Не плачь»...

– Ты только не смейся... Она знаешь почему так поет? У нее жених умер. От рака. Она любила его больше жизни. И поэтому в певицы пошла. Хотела, чтоб он не только в ее памяти остался. А когда поет – то всегда плачет, потому что

он как будто рядом стоит и смотрит на нее. Любит. А сейчас слушала и – нас с тобой представляла зачем -то. Ну так просто...

– По-моему ты раньше что-то другое про него говорила.

– Люди-то по-разному говорят, вот и я говорю.

– Ну и зря. У нас с тобой веселее будет.

– Ты думаешь?

– А как же? Зачем тогда и начинать?

– Вам мальчикам хорошо – с важностью сказала Лиза, кому-то явно подыгрывая интонацией – а нам приходится думать и о себе и о потомстве.

Я не засмеялся, потому что вообще-то почему-то грустно было.

9 глава

Следующим утром мы с сестрой завтракали одни.

– Твоя загуляла где-то – подначила Ленка, с удовольствием прихлебывая бразильский кофе из огромной чашки. Слышал, что ее Яшка объявился?

– Он уже «ее»?

– А куда деваться? Весной не разлей вода были. Гляди, тебе еще придется с ним встретиться. Я понимаю, что он не твой уровень, как говорить. И все-таки... Он дурной по пьянке, Олежек. Ты будь с ним поосторожнее.

Поставив чашку на стол, она уставилась на нее с глубокой печалью.

– Ох и задумал ты, брат, дело. Я до сих пор в себя прийти не могу.

Я отправился в Кузьмино кратчайшей дорогой. Сначала зашел к отцу Георгию. Мы уселись на завалинке, в тенечке.

– Жаркое нынче лето, дождя надо – отец Георгий вытер лоб и посмотрел на меня искоса. – Приходил этот... Яша. Ко мне заглянул.

– Что хотел?

– Известно, что. Лизу искал. Злой был.

– Злой – это хорошо.

– Чего ж хорошего? Вы решили, что будете делать?

– Конечно. Поговорю с ним. По-товарищески

– Как это?

– Сделаю ему предложение. Помните «Крестного отца»?

От которого он не сможет отказаться.

«Крестного отца» отец Георгий не смотрел, меня не понял и лишь пожевал губами.

От отца Георгия я отправился к дому Лизы. Я почему-то торопился, бегом вскочил на крыльцо, рывком открыл дверь.... На кровати в углу свернулась калачиком Лиза. Она вскочила, увидев меня, и опять села на кровать, ладонями вытирая щеки.

– Здравия желаю! – бодро приветствовал я. – Что за траур? Что случилось?

– Случилось, сыночек, случилось. – запричитала старуха

– Такое случилось, что не знаем, что теперь делать.

– Бабуль! – прикрикнула Лиза – мы же договаривались!

– Отстань! Договаривались! А договаривались, что он ножиком махал? Грозился? Договаривались, что обещал дом наш поджечь? А что тебе кричал – помнишь? Царица Небесная, спаси и защити! Глаза красные, аж пена изо рта течет – во до какой степени осатанел человек! Он, окаянный, и в Бога не верует, хотя крест носит. А мы чем провинились? Дура моя наобещала ему всякого, а я отвечай? Ты, сынок, не из милиции ли? Тут в милицию надобноть. Власть есть у нас, али нет? Ребенка ведь жалко?

Я присел на скамейку и достал сигареты. Выяснить удалось немного. Пришел Яшка поутру. Крепко выпивший. В

красной, цыганской рубаше. С порога обрушил на старуху матерную брань. Лиза забилась к стене на постели. От ругани Яша перешел к угрозам: сказал Лизе, что она скоро будет стоять на дороге, обслуживать дальнобойщиков за бутылку пива, что мать он выкинет из квартиры на помойку, где она и закончит свои дни среди крыс и мышей, а бабка сама сдохнет скоро от тоски и горя. Кричал, что он главный в округе, страшный, как демон и его все боятся. Ну, по крайней мере, должны бояться. Что у него все куплено и за все заплачено. Что он может озолотить, а может и в прах вогнать. Тут баба Зося начала уже кажется сочинять с перепугу, но это было и не важно.

– Где он сейчас? – спросил я, поднимаясь.

– К дружку своему пошел к Кольке-трактористу, у него они пьют! Одним миром мазаны, окаянные!

– Олег! Не надо! – испуганно вскочила Лиза.

– Вот уж, что надо и что не надо я буду решать сам. – сердито ответил я – да и не переживай. Такие дела мне как раз не в диковинку. Тряхнем стариной. Ничего.

Я быстро шел к указанному дому, невольно кусая губы. Меня распирали знакомые, но позабытые уже чувства. Дежавю из начала 90-х. Ребята знали за мной этот грех. Я всегда очень разумно и трезво отступал в сложных и критических ситуациях, но, когда отступить было некуда, сознание во мне отключалось, оставалась только слепая, холодная, всепоглощающая ненависть. Иногда я даже не мог понять, кому бью

в морду – конкретному какому-нибудь Пете-Вите, или все-
му поганому миру, который загнал меня в угол, как волка и
грозил спихнуть в бездну? Серега не раз потом лечил меня
коньяком в бане, сердито и ласково выговаривая.

– Ты же не Берлин берешь, сдурел что ли? Витька уже
в отрубе лежит, Лебедь кричит «хватит!», а ты молотишь,
как кувалдой! Даже мне въехал, глянь! Нам мокрухи только
не хватало сейчас. Я тебе в следующий раз брому в стакан
налью, честное слово!

Колин дом дремал по сенью раскидистой липы. Перед ним
стоял старый, облупившейся драндулет, у хлева трактор «Бе-
ларусь» с прицепом. Я ввалился в дом, не постучавшись. В
углу за столом сидели двое. Яшку я узнал без труда. Ему бы-
ло на вид лет тридцать. Смуглый, сухой, с колючими, чер-
ными глазами в глубоких глазницах, с пышными, черными
усами, свисающими вниз, действительно наряженный в ма-
линовую, шелковую рубаху с глубоким вырезом, с серебря-
ным крестом на волосатой груди. Похоже, Яша нес свой цы-
ганский бренд с гордостью, вызовом и угрозой. Наверное,
и с выгодой для себя. Напротив него сидел слегка оплыв-
ший, красномордый Коля с всклокоченными, словно после
сна, льняными кудрями. Он и взревел, увидев меня.

– Ааа! Какие гости! И без охраны! Заходи, братан, выпей
с нами!

Яков заметно подобрался и нахмурился.

Я облокотился на дверной косяк и достал сигарету. Паль-

цы не дрожали, хотя виски пульсировали, как бешенные.

– Не хочу.

– Стопочку? Водка чистая. Паленую не пьем.

– Тебя вроде Коля зовут? Так вот, Коля, я с незнакомыми людьми водку не пью. А вдруг козел какой-нибудь? Потом не отмоешься. У тебя ведь на роже не написано, кто ты такой. Просто чушок подзаборный или хуже того?

Коля с трудом переваривал свежую информацию и судя по вспотевшему лбу, остался ею недоволен. Он стал медленно подниматься со стула, вопросительно глядя то на Яшку, который сидел, опустив голову, то на меня.

– Я не понял, в натуре, это про кого ты?

– Про тебя, Коля, про тебя. Ты присаживайся, Коля, в ногах правды нет. Мы с тобой после потолкуем, а пока вот я хочу с этим товарищем побазарить. Пригорюнился он что-то.

Яшка вскинул голову и обжег меня взглядом.

– Ты про кого это сказал, дятел? Крутой что ли?

– Дятел, Яша, это ты. Стучишь куму помаленьку, а? Фартовый, говоришь? Удивительно, столько лет дурью балуешься, и – на воле! Не бывает так, Яша, не бывает. Ну, да ладно, за язык свой длинный тоже ответишь. А ну-ка встал и пошел!

Я обогнул дом и обернулся, услышав за собой быстрые шаги. Яшка резко затормозил, сунув руку в карман. Несколько секунд мы смотрели в глаза друг-другу, и я понял, что Яшка пытался затмить свой страх приступом ярости, которая все никак не разгоралась и только вспыхивала неуверен-

но в его черных глазах, тут же угасая.

– Что хотел? – хрипло спросил он и откашлялся. Выглядело это довольно беспомощно, и он поморщился от досады.

– Почему хотел? – спросил я – Хочу. Смотри фокус.

Я медленно, как опытный факир, поднял левую руку и Яша, как замороженный поднял голову, следя за моими пальцами. В этот момент я правой ударил его в солнечное сплетение. Яша резко выдохнул: «хак!», и согнулся, схватившись за живот. Встав в удобную позу, я навесил ему снизу в челюсть и толкнул в лоб. Сначала Яшка упал на задницу, вытаращив на меня глаза, а потом поник и повалился на бок. Над нами кружили пчелы, не зная кого атаковать первым. У Коля в саду была целая пасека. Появился и хозяин. Тупо смотрел на скрючившегося собутыльника и чесал свою грудь.

– Это каво он? Ты чем его? Мне тут этого не надо!

– Сходи за водой! – приказал я. – И пошевеливайся, рухлядь, пока я и тебе не смазал!

Коля попятился задом, замахал руками и исчез. Я присел на бетонный фундамент и закурил. Похоже одна пчела все-таки ужалила Яшку в спину – он заерзал, замычал и засучил ногами. Вернулся Коля с литровой банкой воды.

– Поставь туда – я указал рукой – Куришь? Угощайся.

Коля аккуратно обошел тело, согнувшись, деликатно вытащил сигарету из пачки. Я зажег спичку и дал ему прикурить. Мы курили молча и смотрели на Яшу, который вяло перебирал ногами, и время от времени что-то мычал.

– Вроде живой – одобрительно сказал Коля – Я напугался. Думал ты его... почикал. Или застрелил.

– Коля, посмотри на меня. Я похож на человека, который поставит на кон свою жизнь из-за куска говна? Похож?

– Я же не говорю...

– Я спрашиваю, похож?!

– Не... не похож.

– Вот... А похож я, Коля, на человека, который позволит, что бы какая-нибудь падла срала у него на дороге?

– Ты про Лизку что ли?...

– Я про Елизавету Алексеевну еще слова не молвил, но обязательно скажу. Предельно уважительным тоном.

В этот момент Яша застонал и встал на колени, уткнувшись лбом в землю. Так он простоял с минуту или две, хрюкая и отдуваясь, и, наконец, схватившись за ствол молоденькой сливы, поднялся на ноги. Его штормило сильно. Я тоже поднялся, взял банку с водой и вылил ему на голову. Он оттолкнул меня, выругался. Коля стал отряхивать ему спину.

– Я тебя урою! – наконец прохрипел Яша, глядя на меня налитыми кровью глазами.

– Жду с нетерпением.

– Дай мне срок...

– Не дам. Сейчас хочу. Вот и свидетель у нас имеется. Да Коля?

Коля обреченно махнул рукой.

– Выбор оружия за Вами, сударь. Как изволите драться?

Можно на ножах, как принято в Испании, можем на саблях, а можем на шпагах, если найдутся. У Коли на чердаке. Да, Коля? У тебя есть шпаги на чердаке?

– Каво? На чердаке? Какие сабли на хрен?!

– Сабли заржавели. Коля давно их не чистил. Ну, ничего, можно и на кулаках. Предупреждаю, бить буду сильно и не аккуратно. Пока голова в жопу не провалится. Да, и еще одна немаловажная деталь. Разговаривать со мной будешь вежливо, как и полагается джентльменам. Ненавижу жлобов.

– Да пошел ты!

– Так...

Я глубоко вздохнул. Яшка смотрел на меня, ощерившись, но было заметно, что из состояния нокдауна он так и не вышел. Струйка крови появилась у него на подбородке. Нежно взяв его за виски ладонями, я направил его лицо к небу, отступил на пол шага и точно, пушечным ударом, пробил в цель под ребрами: в печень. Яшка даже не «хэкнул», повалился как куль. Коля, схватив банку, побежал за водой. Вернулся он с целым ведром и с моего молчаливого согласия сам вылил его на друга.

Яшка что-то зарычал по-цыгански, царапая землю пальцами, поднялся, отпихнув Колю, который опять пытался помочь. Коля помог ему присесть на пенек по яблоней.

– Мужики – сказал он испуганно – Хорош уже, а? Как бы чего не вышло.

– Заткнись – выдавил Яшка.

– Сам заткнись. Мне трупаков только тут не хватало. Идите вон на реку и там деритесь. Хоть на саблях, хоть на пистолетах.

– На ножах! – выкрикнул Яшка и хрипло засмеялся – Что слабо, мужик, со мной на ножах?

– Да хоть на топорах – возразил я. Злобное нетерпение не отпускало меня, еще не иссяк адреналин. – У тебя там в кармане вроде что-то было? Ну, а мой всегда при мне.

– Сдурели?! – Коля не на шутку перетрусил. – А я что буду делать?!

– Секундантом будешь. – я рывком поднялся – и не твякай под руку, а то получишь хорошего пинка под задницу. Вставайте, сударь. Пора посмотреть, что Вы сегодня ели на завтрак.

Яша стоял передо мной, покачиваясь и шумно дыша. Вытирая разбитые губы, он размазал кровь по всему лицу и был страшен. В правой руке он сжимал обыкновенный складной нож, которых полно было в ту пору в любых ларьках. Они не приравнивались к холодному оружию и носили их с собой все, кому не лень, особенно подростки. Впрочем, мой был такой же. Боец из Яшки, конечно, был никакой, он так и не вышел из состояния грогги, к тому же был сильно выпивши и это придавало мне уверенности. Деревенские вообще не умели драться, хотя дрались часто и порой с чудовищной жестокостью. «Против лома нет приема» – это про них. Правда вместо лома часто использовался кол. В советские времена

на танцах именно кол ставил точку в спорах, кому танцевать девчонку. Когда-то я неплохо владел холодным оружием. Мы с Серегой еще в советское время на тренировках серьезно отработывали приемы против ножа и против пистолета, чем изрядно злили Михалыча, нашего заслуженного тренера, который считал это все мальчишеским баловством, а не спортом. Да и в бригаде нашей ребята увлекались этой наукой по понятным соображениям. Никому не хотелось попасть на перо в драке, хотя я не припомню, чтобы это искусство кому-то помогло, когда начинался реальный замес.

Я встал в классическую стойку и ждал. Коля взволнованно бегал вокруг, приседая и взмахивая руками. Яков шагнул вперед, выставив правую руку с ножом вперед и пригнувшись. Лицо его старалось принять свирепый вид, но появлялось на нем скорее растерянность и испуг. Я сделал ложный выпад и когда Яшка повелся, нелепо взмахнув руками, просто ударил его ногой в пах. Третий раз упал он на землю, завывая и корчась. Я отогнал Колю, который уже окончательно протрезвел и только вздыхал тяжело, и склонился над поверженным соперником.

– Яша, ты хорошо меня слышишь?

Он молчал, шумно дыша.

– Так, проверка слуха.

Схватив его за ухо, я вывернул до упора, и с наслаждением услышал протяжный вопль.

– Так, слышимость отличная. Продолжим. Сейчас Яков,

я буду говорить, а Вы – отвечать. Если будете молчать – я буду ударять Вас кулаком по лицу. Вот так – и я стукнул его кулаком в многострадальное ухо.

Стон, помноженный на рычание, был мне ответом.

– Отлично. Итак. Живет в нашей деревне девушка Лиза. Она Вас, Яша, не любит, и вы, Яков, про нее забыли. Так? Забыли? Не слышу? Мне ударить Вас или Вы ответите мне?

– Слышу.

– Что слышите?

– Не подходить к ней.

– Правильно. И поскольку Ваше присутствие пугает девочку, Вы скроетесь отсюда раз и навсегда. Хорошо слышно?

– Да.

– Что да?!

– Скроюсь отсюда.

– Правильно. Прямо сейчас. На своей отечественной иномарке. Отныне это девочка – моя. Так и зарубите себе на носу. Хорошо слышно?

– Да!

Я помог ему встать и мы с Колей довели его до бочки с водой. Яша погрузил в нее голову и долго плескался, фырчал и стонал, пока Коля стоял рядом с полотенцем. Я сидел поодаль на березовом чурбане и курил. Адреналин закончился, хотелось прилечь и закрыть глаза.

Цыган забрался в свой драндулет и с пятой попытки завел двигатель. Я подошел.

– И еще. Не для протокола. Я знаю про твои делишки в Острове и в Опочке. Связей у меня достаточно, чтобы некоторые товарищи из районного уголовного розыска избавились от своей слепоты и тогда они увидят много нехороших дел, которые творятся у них под носом. Ясно излагаю?

– Ясно, начальник – Яков нехорошо улыбался распухшими губами – Век не забуду...

– Стоп! Еще одно слово и я обижусь. Ведь мы не держим зла друг на друга, верно? Или я ошибаюсь?

Яшка козырнул и со скрежетом рванул с места. Надо отдать ему должное, держался он не плохо.

Коля испуганно попятился, когда я подошел к нему.

– Что с тобой, Коля? Водочка осталась? Вот и славно. Точно не паленая? Хлопнем по рюмашке? По-моему, заслужили.

У меня начинался «отходняк», пальцы дрожали слегка, когда я доставал сигареты. Коля сбегал в избу, вернулся с бутылкой, стопкой и куском хлеба. Водка была теплая и вонючая. Мы присели на чурбаны, которых у дома было множество и закурили.

– Один здесь живешь?

Коля кивнул, глядя под ноги.

– А жена где?

– А на что я ей? – пожал он плечами – шляется где-то. В городе. Ты это... здорово дерешься. Обучался? В горячих точках?

– Да, Коля, в точках... И таких горячих, что жопа плавится. Ты про то, что видел, помалкивай, договорились?

– А мне-то что... Про Яшу не скажу. Дурной он. И злопамятный. С ним как свяжешься...

– Про Якова разговор отдельный. Он дурью торгует? Значит ходит по нитке. И знает об этом. И я знаю. А те, которые не знают, но знать должны, по нитке ходят тоже. Сейчас эту тему никто не любит. К тому же граница рядом. А ты не дрейфь, Колян, прорвемся. Пойду я. Бывай здоров!

Ладонь у Коля была мозолистая, настоящая крестьянская ладонь.

10 глава

Несмотря на обещание, Коля-таки раскололся. Слух о моих подвигах облетел всю деревню. Как и полагается, история от рассказа к рассказу обрастала героическими подробностями, пока не превратилась в полноценный вестерн. Была дуэль и не простая, а испанская, когда противники стоят друг против друга, держась за руку. Сверкнула сталь и Яшка упал. Злодей ползал у меня в ногах и просил прощение, а герой-любовник, то есть я, по всем законам жанра сказал ему, возвращая охотничий тесак:

– Зла не держу. Ее забудь. Она – моя. Нож – твой. Ты храбро сражался. Бери, и больше не возвращайся.

Коля божился, что никому ничего не рассказывал, что Яшка сам всем разболтал и, наконец, ушел в такой глухой запой, что достучаться до него стало невозможно.

Отец Георгий выслушал мою историю в полном молчании, потом сокрушенно тряхнул головой.

– Ах, как это скверно получилось! Теперь, знаете ли, Вам и впрямь надо забирать отсюда Лизу. Яша мстительный человек, к тому же Вы изрядно подпортили его репутацию, а репутация в его мире – это все. Ах, черт возьми, как плохо получилось!

– Что же, по-Вашему, я должен был сделать? Простить?

– Ах, оставьте! Вы повторяете глупости, которыми любят

жонглировать недоучки и лжецы. Простить можно, если Вам плюнули в физиономию или наступили на мозоль, а если плюнули на Вашу мать, или на могилу матери, или на икону – о каком прощении идет речь? Это все от лукавого.

– Спасибо, учту... Только, знаете ли, нехорошо мне. Бил я этого дурака-Яшку нехорошо. Не понимаете? Не праведный это был гнев. Хотел бы я сказать Вам, что бился за правду, за девичью честь, а не могу. А за что бился? За то, что меня оскорбили, кусок мой хотели отнять. Не знаю, может быть, наговариваю не себя... Говорю Вам, потому что уважаю Вас. И верю Вам. Первый раз в жизни верю человеку, который произносит такие слова, как Вы. Понимаете?

– Понимаю. Неверующий в Бога человек не верит и тому, кто верит. Слушает, слышит, а не верит. Считает, что тот или заблуждается или врет. И часто в этом есть резон. Потому что многие врут. И себе и окружающим. Но знаете ли, Олег, достаточно одного человека на миллиард, который несомненно верит, чтобы пошатнулось и разрушилась вся крепость неверия.

– Наверное, только я о своем: бил я его с наслаждением, если можно так выразиться. И убил бы. Если бы... сами понимаете...

– Не кара возмездия?

– Если б свидетелей не было. Боялся в тюрьму сесть.

– Олег, скажите – отец Георгий выдержал большую паузу

– А Вам приходилось... убивать? В той, скажем так, в про-

шлой жизни?

– Ну, Вы даете... – смех у меня вышел деревянным – я на исповеди, что ли?

– Думаю, что да. Иначе зачем весь наш разговор?

– Не знаю. Вообще ничего не понимаю в последние дни.

Запутался совсем. Иногда хочется бросить все к чертовой... извините, и бежать куда глаза глядят. Лиза! Что с ней делать? Привезу ее в Питер, а дальше? А мне как быть? Пить, пока не сдохну? Организм не принимает. Думал здесь, в деревне, утешение себе найду, а нашел очередной геморрой себе на задницу. Не люблю я никого, отец Георгий, вот в чем дело. И себя не люблю. Воровал, дрался, рисковал, а в результате – ноль! Другие как-то устраиваются в жизни. Нагребли себе немного, спрятались по листочек и довольны. А я не доволен. Всегда чем-нибудь недоволен. Вы спрашиваете убивали? Так вот, отвечу – убивал! И делайте со мной, что хотите. Хоть в милицию идите! Раскаиваюсь? Нет!! Я убил животное, злобное животное на двух ногах! Этот урод людей любил мучить, а особенно бомжей. Отвозил их в лес с двумя такими же отморозками и... не буду Вас пытаться подробностями, отец Георгий, а то и Ваша вера пошатнется. Выпустил ему кишки, каюсь, при свидетелях и никто меня не сдал, не предал, потому что я гниду раздавил, таракана. Тараканов вообще много в жизни было. Тараканы очень просто устроены. У них есть рот, сфинктер и половые органы. Все! И еще они очень жадные и ненасытные. Бегают, суется, крошки

подбирают, радуются, если упала со стола крошка послаще, да пожирнее. Как-то за городом, на даче, один такой таракан увидел у меня книжку в руках и глаза вытаращил! Ты, мол, чиво, книжки читаешь?? Типа, не наш, что ли?? Побежал братве жаловаться. Олаф (погоняло мое) книжки читает! Караул! Подрались крепко. Вмазал ему в горло кулаком, закудахтал кровью. Ночью скорую вызвали, увезли... В больнице помер. У нас тогда серьезное толковище было. Хорошо Серега, друг мой, вписался за меня по полной. Типа, в свободное от работы время, человек имеет право книжки читать. А? Нормально живем? А потом Серегу убили. Он как раз скутер купил, хвастался, что будет по Неве гонять всем на зависть... Мы все любили, когда завидуют. У меня жена была, умная женщина, с образованием, так у нее пунктик был: непременно в старости уехать на Майями! Пусть убивают, пусть обманывают, пусть ненависть и вражда, главное доползти в старости до песчаного пляжа, там, на другом конце Земли. И детей там оставить. О, дети – это главная отмаза, когда все совсем уж становится бессмысленным! Знаете, меня в советское время угнетало и злило больше всего, когда коммунисты подбадривали нас, горемычных: вы, мол, потерпите, живите пока в коммуналках и бараках, зато дети ваши и внуки, а то и правнуки! будут кушать бублики с медом и спать в пуховых перинах. С какой стати?! – хотелось ответить. А мы-то что, пописать в мир вышли? Мы тоже хотим бублики с маком! Здесь и сейчас! Вот и супруга моя:

терпим да светлого завтра! А пока сожжем зубы и копим. Для детей. Они, видимо, выкопают нас потом из могил и поселят в дворцах хрустальных. Начнешь спорить – эгоист, тряпка, слюнтяй! В бедности тоже дерьмо! Та же зависть, злоба, вранье. Только проще, без гламурных улыбок и глянца.

Вот вывезу я из этого дерьма Лизу. Что с ней будет? В голове – пусто. Образования – ноль. О жизни толкует... со слов Яши...

– Зачем же приучали?

– Это Вы на Экзюпери намекаете? Принимаю. И отвечаю – не знаю! Жалко стало. Дурочка ведь совсем. Опять же, верит мне...

– Вот и выходит, что Вы помогаете ближнему, хотя и боитесь в этом признаться. Кого боитесь? Братвы Вашей тут нет. Меня Вы свои признанием только утешили.

– Да стыдно как-то... Знаете, отец Георгий, я ведь в своей жизни прощал... По крупному. Серега один раз скрсытничал, думал я не заметил... Я вида не подал, хотя больно было... Месяца два страдал, а вида не показывал. Ведь мы с ним с детства... пуд соли, знаете ли... А потом, на рыбалке, на вечерней зорьке, как сейчас помню, выложил ему все: что видел, что знаю, что горько мне... Ничего мне на это не сказал. Так всю ночь и просидели у костра. Утром в глаза мне смотрит в упор так вот и спрашивает: забудешь? Я говорю: да. Опять молчим. В машину сели, едем, он и говорит: ну, тогда и я все забуду. Представляете? А ведь я толь-

ко потом понял, что он имел право так сказать... Грешен, батюшка, грешен. С тех пор между нами словно потеплело что-то... Доверяли друг другу во всем. Только этим и спаслись. А то ведь совсем одичали мы тогда все... Глотку готовы были друг-другу разорвать. А когда есть надежное плечо – у тебя сразу огромное преимущество перед всеми. Это я точно Вам говорю! Потом было, жена рога мне наставила со своим шефом – простил, ради ребенка простил, опять же и сам был грешен. Хотя сперва обдумывал в деталях, как буду ее убивать. Хотел, как в американском кино, со спецэффектами! Чтоб плакала и молила о пощаде, чтоб прелюбодей захлебнулся в своей рвоте. Даже яд кураре достал по этому случаю, представляете? Правда, так и не узнал: всамоделешный ли... Выбросил потом. А она сама потом покаялась. Он, оказывается, шантажировал ее, грозился выключить из дела. Она у меня баба сильная. Призналась и говорит: «Хочешь – выгони сразу, я пойму тебя, а если нет – забудь. Как я забыла». Простил. А ему не забыл, не смог. Любил он поохотиться в карельских лесах. У него и погранцы на это случай прикармлины были на финской границе, под Выборгом. Там лосей водилось видимо-невидимо. Ходили по трое-четверо с карабинами и ружьями. Погранцы так и автоматами не брезговали. Однажды на охоте плохо ему стало. Сердце. Менья, знаете ли, яды всегда завораживали. Я первый из братвы на них подсел всерьез еще в 90-х. Изучал, книжки разные читал, специальные. Приятель у меня был, фармаколог, на

этот случай, я приплачивал ему хорошо и держал под секретом. . . И вот лежит он, вражина, помню, на бруствере, обнимая карабин, лицо белое, мокрое от пота, а я стою над ним, а в сердце пусто. Думал, скажу ему что-нибудь напоследок. Типа: вспомни, Майю, гад и все такое. А он смотрит на меня, а в глазах ужас и мольба. Помощи просит. Я забежал, звоню в скорую, а потом смотрю – а он уже посерел и обделался. Верный признак, что отдал душу Богу. Жене, конечно, ничего не сказал. Полгода она молчала. На Новый Год, на даче, когда куранты забили двенадцать, подняла бокал и говорит: «Я никогда не любила его, и зря ты это сделал. Грех этот теперь на тебе, Олежек». А я думаю про себя, ну умер человек и умер. Без страданий, в чистом лесу. Чем плохо? Лучше разве, как ее дед, который год отходил, иссох весь. . . И обида на него в сердце как будто растворилась. . . А вот на вокзале один раз мужичек мне замечание сделал – так чуть не убил его. И убил бы, если бы Серега не оттащил. Такая ярость взяла, словно он на святое покусился. Как такое может быть? Я этого Яшку жалею теперь, а ведь он гнида порядочная. Запутался я совсем. Извините, Вам наверно и слушать противно мои бредни. Плохо мне. . .

– Это не бредни – спокойно возразил Георгий Семенович. Он как-то подобрался весь, посуровел. – это Вы исповедуетесь перед Богом. Я не имею права простить Вам грехи Ваши. И причастить не имею права. Но Вы обязательно сходите в Церковь. Вам надо, поверьте. И срочно. Не ходите боль-

ше к психологам, к знахарям разным. Забудьте к ним дорогу. Это только усугубит Ваши беды. Найдите батюшку старенького где-нибудь в глубинке. Батюшки старенькие много видели, много знают. Они столько слышали на своем веку, что нам простым смертным и представить сложно. Вот такому и поведуйте свои беды. Даже если он Вас не причастит, то с пользой будет. Вы, Олег, по краю ходите. Думаете, что уже прошли главные испытания? Нет, они впереди. Берегитесь. Вам нельзя расслабляться. Вы говорили с пренебрежением о своих товарищах, которые неразумно и смешно цепляются за блага земные, как будто надеются найти в них спасение. Так вот, Вы еще дальше от истины. Вы уже ничему не верите, ничему не преданы, на все смотрите равнодушно. Вам не нужны почести и награды, поскольку Вы знаете им истинную цену. Вам чуждо тщеславие, но смирения нет ни на грош! Повторяю, берегитесь! Это – гордыня.

– Неужели я похож на гордого человека – усмехнулся я, представляя со стороны свою сторбленную, измученную фигуру.

– Похожи. Вы теперь смеетесь над глупыми людьми, удивляетесь их наивности и близорукости, но скоро начнете их ненавидеть и презирать, а потом и завидовать лютой завистью, потому что им будет весело и беспечно, а Вам тяжело и темно. И безумно скучно. И тогда Вы начнете им мстить. За их глупость, за их пошлость, за их бедность, за их убогость. Ведь человек звучит гордо, так нас учили? А это разве люди?

Букашки, торопливо спешащие собрать себе корма! И они еще смеют радоваться и смеяться, когда впору рыдать, рвать и метать?! И тогда душа гордого человека находит какой-нибудь чудовищный выход: или какая-нибудь навязчивая идея, вроде перманентной революции, как у Троцкого, или безобразный разврат, как у Карамазова-отца. Или последний выход...

– Пуля в лоб? Ну от этого, слава Богу, я далек. Не дожде-тесь. И – как там у Достоевского – листочки зеленые еще люблю!

– Любите! И Лизу постарайтесь полюбить! Она ведь хитрая. Может притвориться пушистым зайчиком, а потом вылезет такой хорек, что держись! Впрочем, Вы и сами не юнец.

Распрощались мы с отцом Георгием уже впотьмах. Я протянул руку, но он отпихнул ее, и мы обнялись. Потом он решительно перекрестил мою грудь, пробормотав слова молитвы.

– Ну вот, теперь идите. Помните про батюшку. И ничего не бойтесь. У Вас есть мой молитвослов. Научитесь молиться. С Богом!

11 глава

В Петербург я уехал на следующее же утро. Хотел управиться в неделю. Поздно вечером мы встретились с Лизой под старым кленом, у бывшего выгона. Она старательно прятала от меня заплаканные глаза и куталась в старую мамину кофту.

– Улажу кое-какие дела – говорил я бодро – Решу вопрос с жильем. О работе пока не думал. Надо посоветоваться. Что-нибудь придумаем. С мамой сложно. Деньги ей давать нельзя. Бессмысленно. Я вот что подумал, что если я буду помогать бабушке, а она уже распорядится дальше, как быть?

Лиза равнодушно кивнула головой.

– Что с тобой, Лиза? Ты расстроена? Разочарована? Случилось что?

– Нет, все нормально... Яков встречался с Колей.

– Угрожал небось? – усмехнулся я.

– Нет. Жаловался. Ты ему ребро сломал и зуб выбил.

– В самом деле? Я сказал бы, что мне очень жаль, только это будет враньем.

– А еще Яша сказал, что ты бросишь меня. Как только получишь то, что хочешь.

– А что я хочу, он не уточнил?

– Нет. Но зато сказал, что меня любит. Больше жизни.

– Угу. И поэтому хочет отдать в проститутки.

– Про проституток я тебе наврала.

– А про что еще ты мне наврала?

– А ты мне?

– Ты что, действительно, считаешь, что мне от тебя что-то нужно?!

– Нет! Я действительно считаю, что тебе от меня ничего не нужно! Ни-че-го! Я для тебя как кукла! Как подопытный кролик!

– Лиза!

– Зачем я тебе?! Зачем? Объясни?

– Зачем? Господи... – я сел на кочку и взъерошил свои волосы. Лиза присела рядом на корточки. – Лиза, ну ка объяснить тебе... Я хочу тебе помочь...

– Зачем? Ведь ты не любишь меня.

– Почему не люблю? Люблю.

– Разве так любят? Ты даже не пытался поцеловать меня. Боишься? Чего? Что люди скажут? А вот я не боюсь! Никого не боюсь. Вот на тебе!

Она внезапно обняла меня за плечи и чмокнула в нос, в подбородок горячими, сухими губами. Я оттолкнул ее, вытер нос.

– Лиза, прекрати!

– Трус! Яшка ничего не боится, а ты всего боишься!

– Ну и катись к своему Яшке!

Лиза всхлипнула.

– Ты со мной поиграешь – поиграешь, да и бросишь!

– Кто это сказал? Яшка?

– Бабушка! Он не верит тебе. Говорит, чтоб я не ехала. Что ты бандит, а только притворяешься добрым. Что будешь меня мучить, а потом выгонишь вон.

– Ага, и отдам на съедение собакам – устало ответил я.

– Что?

– Проехали. Слушай, Лиз, ну если все против, то чего ради мы с тобой устроили вообще все это?

– Я не против! Я хочу уехать с тобой!

– Тогда в чем дело, черт возьми?

– В том! Я хочу, чтоб ты... любил меня. Я не замуж хочу! -торопливо перебила она меня. – Не думай, я не такая дура. Но я хочу, чтоб мы были... вместе. Чтоб ты был рядом и заботился обо мне. А я буду тебе угождать во всем, не сомневайся. Яша рассказывал, что есть такие книжки, о любви, ну там секс, и все такое... Я изучу их и буду самой лучшей! Тебе никого больше не захочется. Ты знаешь какая я страстная? Даже Яков испугался. Я могу до смерти тебя зацеловать! Вот! И никто не узнает. От чего ты умер.

Говорила ли Лиза искренне эти слова? Конечно. В ее глазах сиял восторг, щеки пылали. Она нетерпеливо сбивала со лба и щек мошку и комаров и опять надвигалась на меня грудью. Я загородился руками, сложив их крест на крест на коленях.

– Лиза, – я старался говорить спокойно – а ты веришь, что любить человека можно просто так?

– Как это?

– Ну ведь ты же любишь бабушку?

– Сравнил.

– Любишь. И я тебя люблю. Как дочку.

– Удочери меня! – поспешно сказала Лиза – Я согласна.

Только мы все равно станем любовниками.

– Ну что ты мелешь?

– А что? Никто не узнает. Тебе стыдно, что я такая маленькая, да? А Яков наоборот от этого тащится.

– Еще раз скажешь про Якова слово, надеру твою задницу.

– А ты ревнуешь, да? Здорово! Он тоже ревнует. Поэтому и приперся, дурак. Я его терпеть не могу, так и знай. Только ты! Ты – мой! Да?

Уже в глубоких сумерках я проводил ее до дома. Жулька встретил нас у забора, извиваясь всем своим белым телом, как змея.

– Жулька, мальчик мой. А Жульку возьмем с собой? Он без меня умрет от тоски.

– Посмотрим.

Вышла к нам и бабка Авдотья с веткой в руках, от комаров

– Лиза, где тебя черти носят? Ты, Олег? Я заснуть не могу. Все жду, когда этот Ирод окаянный припрется. Страшно нам.

– Не бойтесь, Авдотья Никитишна. Теперь не припрется. А я вот завтра еду в Петербург. На недельку, я думаю. Дела сделаю и – обратно. За Елизаветой. Нет возражений?

– Возражения-то есть, только кому они нужны то, эти возражения – отмахнулась бабка – Вы же все равно что задумали, то и сделаете.

– Сделаем все по закону, не волнуйтесь – сказал я. – Слово даю.

Лиза демонстративно, пока бабушка не ушла, поднялась на цыпочки и прилепилась к моим губам так долго, пока я не отпихнулся, переводя дух.

– Вижу, как по закону – пробормотала бабушка, махнув рукой.

Утром сестра собрала мне в дорогу узелок с яйцами и помидорами, перекрестила.

– Наша завуч, Салтычиха, до сих пор не переносит, когда крестятся, старая закалка. А мне все равно, пусть. Спасибо за гостинцы, за все спасибо. Буду ждать, как и договорились. С Богом!

12 глава

...Петербург неприятно ошеломил меня своей враждебной огромностью и шумом. «Вернулся? – словно говорил он ехидно – беленький и пушистый? Погоди, скоро я выщиплю твой мех, станешь опять облезлым». Обычно на это у него уходило два-три дня. Поэтому, не дожидаясь неизбежного, я первым делом сходил в Александро-Невскую лавру. Это была единственная церковь, которую я хорошо знал, в которой бывал когда-то еще в юности и в которой мы с братвой отпевали Серегу. Обогнав пеструю кучку туристов с очкастой теткой-экскурсоводом, я вбежал по ступеням наверх, и нырнул в прохладный, колеблющийся сумрак. Народу было немного. Слонялись два-три пожилых иностранца с вежливо-постными физиономиями и фотоаппаратами на груди, у некоторых икон застыли безмолвные фигуры женщин в платках. Я купил свечи, рассовал их перед свободными иконами, пробормотав что невразумительное ни Богу, ни себе, и осенил свою грудь изломанным крестом. Знакомая, суетливая неловкость уже тормозила меня. Когда-то мне было стыдно за то, что я здесь, потом за то, что я долго не был здесь, но очевидно, что я до сих пор был случайным здесь. Нечто подобное я испытывал в Эрмитаже, куда почти насильно, под конвоем, приводила меня жена. В Эрмитаже я сгорал от желания дать хорошего пинка какому-ни-

будь тощему очкарику, застывшему перед Данаей, чтоб он лежал, распластавшись на полу, и гадал, что же это было. Чистенькая старушка-смотрительница на стуле вызывала во мне ярость. Хотелось встать перед ней и расстегнуть ширинку. Чтоб рот открыла от ужаса и изумления, старая вобла. Во мне вообще ярость возникала все чаще и по пустякам. Особенно бесили чистенькие и ухоженные, с довольными лицами.

В церкви меня всегда не покидало ощущение, что кто-то подглядывает за мной и ухмыляется. Сначала это была наша классная руководительница, потом Пека, который носил на груди какой-то сатанинский знак и хвастался, что его хранит сам Один, а потом кто-то безликий, но циничный, насмешливый и злой. Я сопротивлялся. Я делал строгое, аскетическое лицо, стараясь думать о вечном, но прекрасно и отчетливо видел все вокруг в каком-то извращенном свете и чувствовал, как что-то выталкивает меня вон, как инородное тело. Я догадывался, что моя борьба происходит не зря и за упорство меня ждет награда. Ждал, когда меня оставят в покое, молился как мог. Награда действительно приходила, когда я выходил из церкви: на душу нисходило некоторое умиление самим собой. И тогда я щедро жертвовал нищим, сурово отводил глаза от оголенных женских ног и долго не трогался с места в машине, пытаюсь сохранить в сердце катастрофически угасающий огонек любви к ближнему. Из братвы мало кто посещал церковь, кроме панихид и венча-

ний, но все пацаны любили повторять, что «все под Богом ходим» и тех, кто ходил, уважали, и даже просили помолиться за удачу.

За что я хотел помолиться сегодня?

Я присел на лавочку в закутке, под окнами, в которых трепетались солнечные блики и перевел дух. Куда торопиться? Решил, что просто передохну. Вспомнил отца Георгия и мысленно к нему обратился: «Вот, сижу. В Церкви. Как обещал». Внезапно рядом присел пожилой, крепкий мужик, в котором легко угадывался полковник в отставке с богатой армейской биографией. Он искоса посмотрел на меня и дружелюбно пихнул в бок.

– Служил?

Я что-то невразумительное проговорил в ответ. Вообще-то я давно заметил, что меня часто принимают за бывшего военного, или за сотрудника милиции. На бандита я был не похож. Не знаю, в чем тут причина. Может в высшем образовании, которое скрадывало последствия моего образа жизни, а может в хронически задумчивом выражении моего лица. И второе «погоняло» мое было соответствующее – «Студент».

«Полковник» был вполне доволен моим ответом.

– Крещеный?

– Было дело.

– Креститься-то умеешь? Вижу, что слоняешься как безпризорный. Знаешь что? Если хочешь о чем-то попросить

– проси святого Александра Невского. Полководца русско-го, слышал небось? Верно тебе говорю. Он нашего брата слышит. Сам просил. О чем не скажу, но скажу, что просьбу он мою выполнил. И твою выполнит. Только от чистого сердца проси. Ну и, конечно, не вздумай просить о грешном. Хуже будет. Вон его рака. Иди.

«Полковник» исчез так же быстро и незаметно, как и появился. В командном голосе его была еще какая-то простая, сердечная уверенность в своих словах, словно он отвечал мне, как найти магазин за поворотом.

К раке я подходил с робостью, но поднявшись по ступеням вдруг замер от осенивший меня мысли. Ведь передо мной лежали мощи обыкновенного, реального человека, которым я уже восхищался много лет назад! Тот самый красивый князь, который крикнул в черно-белом телевизоре «Восход», когда я ходил в первый класс: «За Русь!» и я помню, как у меня мурашки побежали по телу, а потом во дворе мы рубились вечером с тевтонами деревянными палками и сшибались алюминиевыми крышками от мусорных баков и, конечно, победили и гнали их до самой помойки. Вот его могила. Вот его икона. Он смотрит на меня. Ему ли не знать, что такое кровь и предательство, воинская доблесть и трусость, жестокость и благородное великодушие. И если он смог прийти к святости, то и я могу просить его о помощи. По чесноку. Чисто-конкретно. На своем варварском наречии. Со своим разбойничьим багажом. Он поймет. Про-

стит ли – не знаю. Но поймет. И, быть может, впишется за меня перед Господом Богом!

Не помню как, но я упал на колени перед гробом и ударился лбом о мрамор. Я ни о чем не просил. Просто шептал: «Прости, прости, прости, прости...»

Не знаю, сколько это длилось. Кто-то тронул меня за плечо. Подняв голову, я увидел старушку, в белом платке.

– Здоров ли ты, милай? – певуче протянула она, вглядываясь в мое лицо с состраданием – Уж больно долго стоишь. Я подумала не случилось ли что, прости Господи нас грешных. Не в обморок ли упал. Стоишь и стоишь, уткнувшись. Сынок мой хочет приложится, от ранения пострадавший, ты уж пропусти нас, а потом стой сколько хошь...

Обернувшись, я увидел парня в хаки, в коляске, без ног. Над ним стояла седая женщина в платке, за ней молодая, простоволосая. Я вскочил. Спустившись по ступеням, я встретился глазами с парнем. Он словно спрашивал меня, как тяжело больной перед кабинетом знаменитого врача: «Ну, и как там?»

– Нормально, пацан. Нормально.

Я шел к выходу и все повторял «Нормально все. Все нормально», а слезы все текли и текли по подбородку на грудь, и мне было не стыдно...

Потом я долго сидел на скамеечке среди могил на старом кладбище под сенью деревьев. Душа парила. Ощущение было такое, словно я только что признался в любви женщине,

которую желал много лет, и услышал в ответ: да! Весь оставшийся день я провел в одиночестве, боясь расплескать радость. Съездил в Семиозерье, где отыскивал остатки нашего спортивного лагеря, побродил, повздыхал и даже подтянулся с десятков раз на ржавом турнике, приколоченным к двум старым соснам. И опять плакал. Вышедший из облупленного, щитового домика сторож с удовольствием повспоминал со мной былое. Оказалось, он прекрасно знал моего тренера Михалыча, и сам был тренером когда-то по вольной борьбе, воспитал двух чемпионов, а теперь вот сторожил непонятно что и непонятно зачем... Я подарил ему бутылку армянского коньяка, с трудом отбил от настойчивого предложения «уделать ее на двоих» и скатался к озерам, где четверть века назад мы по утрам купались все отрядом после утренней пробежки. Окунулся в холодную воду вместе с двумя пацанами из местных, которые верещали от восторга громче пожарной сирены. Сидел на песчаном берегу, вспоминал Серегу, разговаривал с ним вслух. Мы вспоминали о том, как разучивали здесь, в этих холмах, первые аккорды на гитаре и мечтали создать вокально-инструментальный ансамбль – «Помнишь, помнишь?! «Поющие орангутанги»?». Я тогда уже фанател от Риччи Блэкмора, а Серега от ВИА «Цветы», и мы с ним спорили, кто круче, и Серега кричал, что наши – лучше, потому что наши! (Иди ты в жопу со своими англичанами! – Сам иди!). А первую песню тем не менее мы разучили заграничную – «Дом восходящего солнца!» И я до сих

пор слушаю ее с восторгом.

И опять я плакал. Черт его знает, сколько выплакал я в этот день...

Закат я встретил на заливе и там же отужинал в своем любимом ресторане «Бастион», поразив своей улыбкой официанток, которые хорошо помнили мою хронически суровую физиономию, а теперь улыбались мне в ответ и старались всю.

На следующий день я навестил свою укромную, однокомнатную квартирку на краю Васильевского острова. Прикупил я ее в середине 90-х вместе с гаражом, который в сильный шторм заливали волны Финского залива. Сюда иногда любил приезжать я, чтобы спрятаться от всех: тут был все мое, включая полный беспорядок. Тут я назначал важные встречи, тут мы пьянствовали с Серегой, когда трезвость становилась невыносимой. Моя бывшая домработница, таджичка, по моему звону приехала и быстро навела порядок, я оплатил накопившиеся счета. Обзвонил всех и забронировал место для Елизаветы в фирме одного знакомого, который давно был мне должен и явно этим тяготился. Одни заботы тянули за собой другие, и я привычно втянулся в эту кутерьму. Управиться я хотел в неделю, но обстоятельства непреодолимой силы вмешались, как всегда неожиданно и громоздочно.

Ко мне приехала жена.

Мы не виделись больше года с тех пор как она уехала в Барселону, поближе к своему любимому Рамбла вместе с пятилетней Янкой. В Петербурге у Майи оставалась прекрасная квартира на Петроградской, которую она сдавала и завилась она ко мне вечером, как всегда, без приглашения и без комплексов.

– Могла бы поинтересоваться сначала, не нашел ли я дру-
гую. – сказал я, увидев на пороге до боли знакомую фигу-
ру с широко распахнутыми, бесстыжими и торжествующими
глазами.

– И я рада тебя видеть, дорогой. Здравствуй! – она пере-
шагнула порог, обхватила меня за затылок и поцеловала в
губы. – Ты загорел. Крым? Турция?

– Псковская область. Ты же знаешь мою слабость.

– Да, да, помню. Ты всегда был неисправимым патриотом.
Ну, ну, не обижайся.

– И не собираюсь.

– Собираешься. Не спорь. Ты всегда любил спорить! Я хо-
чу чаю! Крепкого-прекрепкого. Впрочем, можно и выпить,
если есть хорошее вино! А если нет – возьми, это подарок.
Токайское. Теперь у нас, простите у вас, такого нет. О! да
тут ничего не изменилось! Картины сохранились, Боже, да-
же мой портрет! Ценю! Ценю! И моя любимая ваза на месте!
Помню сколько сил мне это стоило! А как ты сопротивлял-
ся?

Мая чуть пополнела, что, впрочем, шло ей. Все такая же

шумная, все такая же неуемная... Она всегда напоминала мне прелестного, неизвестного науке зверка с огромным, пушистым хвостом, симпатичной, широкой мордочкой, на которой ярко сияли наивным любопытством и предвкушением вкусенького черные, блестящие, моргающие глазки. Розовый носик у зверка был всегда мокрым и холодным, лапки всегда цепко держали добычу, а густая шерстка пускала искры от поглаживания – Майя очень любила, когда я гладил ее по спинке на ночь.

– Да нет у тебя никакой женщины! Придумываешь! Ну, конечно – Достоевский, «Преступление и наказание»! Кто бы сомневался! О, Мураками! Это что-то новенькое! Неужели начал развиваться? Хвалю! И пейзаж новый? Березки? Ты всегда был без ума от березок, я помню. В следующий раз обязательно привезу тебе пальму. Назло! Или кипарис. Неприлично быть таким... мухомором. Чаю, чаю мне! Немедленно! У вас жара почище, чем в Барселоне. Солнце тут какое-то злое! Я чуть в обморок на Невском не упала.

Чай мы пили в гостиной. На столе веером были рассыпаны испанские фотографии.

– Янка подцепила где-то чесотку, ты представляешь? В Европе, блин-компот! Месяц мучилась с ней, все лекарства перепробовали. Доктор говорит, что могла на пляже подцепить. Там арабов полно. Или собачье дерьмо. Да! По-испански уже балакает!

– А по-русски?

– Разумеется. Корни не забываем, не волнуйся. Папа мой сам с ней занимается. У него же первое образование педагогическое, если помнишь. И мама с нами. Если хочешь – привезу Янке веточку березки. Хочешь?

– Привези ее саму в следующий раз. А березку мы тут найдем.

– Обязательно. Знаешь, я пожалуй у тебя остановлюсь, ты не против? У подруги тесно, да и неудобно. Мужик начал заглядываться, старый пень. Лара нервничает. Ты ведь один, я права? Один-один, не придумывай. Я на недельку, до второго... кстати, и в Комарово надо наведаться, на могилку Ахматовой, довезешь?

Возражать было бесполезно. Майя уже вселилась в дом, заполнив своим пушистым хвостом все пространство и придавив меня к краю. Через полчаса я уже слышал, как она деловито брякала чем-то в ванной, спускала воду в унитазе; что то напевая, шлепала босыми ногами из комнаты в комнату, распахивала окна. У нее была удивительная способность обустроиваться. Я иногда в шутку представлял, как ее выкидывают на парашюте в пустыню, и приземлившись, она тут же начинает выкапывать себе норку, а через неделю в ней появляется волшебным образом кухня и мебель.

Все мои наработанные за год привычки сломались сразу. После ужина с токайским вином и фруктами, Майя ушла в спальню. Моя слабая надежда на то, что она застелет постель в библиотеке улетучилась.

– Олежек, где ты? – раздался ее голос.

Я зашел. Остановился. Майя посмотрела на меня, хмыкнула.

– Ну чего встал? Отвык? Я, честно говоря, тоже отвыкла. У меня ведь на неметщине так никто и не появился... Истосковалась я. Так что уж не обессудь: я голодная. Клади сюда свое тело. Попробуем, на что ты еще годен.

К сексу у Майи не было никакого почтения. Наша спальня никогда не была под покровом какой-то ужасной и постыдной тайны и святилищем высоких чувств тоже не была. Скорее столовая, где всегда можно было хорошенько перекусить и выпить. К тому же это было полезно для здоровья, а к здоровью Майя относилась с суеверным уважением. Но в этот раз она была другая. Она словно рассматривала меня впервые. Гладила по лицу, вглядывалась в сумерках в мои глаза, пытаясь что-то отгадать, поворачивала мое лицо, когда я пытался отвернуться от этого взгляда, пробовала на вкус мой пот на лбу, вдыхала запах из-под мышек, оставила красные бороздки на моей груди своими алыми коготками. И я невольно возбуждался и наслаждался этой непривычной близостью, этой неожиданной откровенностью, этой искренней, доверчивой бесстыжестью наших потных, стенающих, пытящихся, сплетенных тел, за которыми с испуганной робостью наблюдали откуда-то сверху наши души.

И, услышав знакомый, финальный, низкий рык, я впервые в жизни закричал, забившись в судорогах. Потом – блажен-

ная тишина и ровное сопение наших носов.

– Целый год мечтала об этом – произнесла Мая, разметав руки и ноги поверх одеяла - У меня ведь и правда никого нет. Никогда бы не поверила, что способна на такое долгое воздержание. Были знакомства... без последствий. Что-то мешает хоть ты тресни... А у тебя как?

– Так же... Правда я особенно и не рыпаюсь.

– Все ищешь смысл жизни?

– Угу.

– А на Псковщину свою зачем ездил? Думал там легче искать? Среди березок?

– Угадала.

– Олежек...

– Слышу тебя.

– А камень на реке, знаешь, такой огромный-преогромный, стоит?

– А куда он денется.

– А помнишь, как я нашла подосиновик прямо за огородом? Стоит такой, красный, и чистый оказался.

– Помню, как ты визжала от радости. А как оса тебя укусила в малиннике помнишь?

– Да. А ты вместо того, чтобы спасти меня – ломанулся в кусты и еще кричал мне: пригнись! Голову накрой! Ага! Накрой. Как?! Мне больно так было! А этот дурак еще и гогочет! Прямо убила бы тебя!

– Мне тоже досталось. Глаз заплыл так, что в зеркало

смотреть не хотелось. А у тебя нос распух. Ты к нему подорожник прилепила, а он все время отваливался. Мы гнездо их потревожили. Хорошо, что вообще живы остались. А на Великой рыбачили – помнишь? С берега? Сидим такие, как два чурбана. Молчим. Ты терпела-терпела, а потом стала хулиганить. То камешек бросишь в тростник, то удочку специально уронишь. Меня такое зло взяло....

– Даа... это же невозможно целый час сидеть и смотреть на поплавок. Я чуть с ума не сошла. Занятие для дебилов. А потом мы бросили удочки и стали бороться. Я тебя шмяк в воду! Ты заорал. Помнишь?

Майя загасила сигарету и прильнула ко мне.

– Олежек.

– У?

– Я что хочу сказать... Я тебя с этими березками достала тогда. Сама не знаю, чем они меня раздражали. Дура была, каюсь. Я на эти пальмы, когда насмотрелась, поняла, что я дура. Какая разница – пальмы, березки? Мне казалось, что ты назло мне эти березки любишь. И вообще назло мне все делаешь. Даже книжки назло читаешь... А я, словно тупая мешанка с Одесского рынка – только давай, давай, давай! Обидно было. Я ведь по двенадцать часов без выходных вкалывала, старалась... И страшно было и тяжело... Мне ведь тоже тепла хотелось, прижаться, поплакать, а вместо этого – какая-то высокомерная мораль. А главное, кто мораль-то читает? Вспомни, чем мы занимались тогда. Господи! Как

вспомню – мурашки по телу. Каждый раз думаешь, ну все, в последний раз, и опять в дерьмо по уши... Бог спас! Серьезно! Я верю – Он спас нас с тобой. Зачем-то... Теперь главное понять: зачем? Я стала всерьез задумываться в последнее время. Ты вот мне скажи, что ты в деревне высидел? Нашел смысл? Я не буду смеяться. Я в Барселоне сама иногда на стены лезла от тоски. Это хорошо в отпуске на песочке валяться. А на ПМЖ скучно. Умище-то куда девать? Мозги-то думают. А надумать ничего не могут. Честно тебе говорю. Никому этого бы не сказала. А тебе говорю, потому что знаю, ты честный. Не выпендриваешься. Честолюбия в тебе много, а тщеславия – мало. Я тщеславных терпеть не могу, особенно глупых. Помнишь, как Пека себе позолоченный унитаз искал? Убила бы его, честное слово.

– Так ведь и убили.

– Ну, да... Царствие ему Небесное. Так ты в деревне нашел свой смысл?

– Нет.

– Олежек, а может быть и нет его? Не ты первый, не ты последний ищешь. Знаешь, что? – она приподнялась на локте и потрянула меня за плечо – Бросай все и поехали со мной в Барселону? Вид на жительство тебе сделаю. Березок нет, но есть пляжи, Средиземное море – это же родина всех пророков. Колыбель цивилизации. Там все началось и там все закончится! Так наши мудрецы говорят. И ваши тоже! Начнем заново!

– Да не заново, Майя. Зачем себя обманывать? Начнем всю ту же заезженную пластинку. Крысиные бега. До полной усрачки. Не в березках, конечно, дело. Я в юности хотел весь мир пешком обойти, у меня вместо сердца атомная электростанция работала на полную мощь. Я в битву рвался, я подвиг хотел совершить. Думал, что выше всех! А вышло, что искал славы людской, аплодисментов, выходит, что угождал всем, лишь бы восхищались. Самое настоящее рабство. Я в деревне понял, что если я на стены лезу, когда не с кем поговорить, то значит я пустой человек. Просто труба, в которую дуют все кому не лень, а если не дуют – труба и молчит. Потому что в ней нет ничего. Одна медная оболочка. Я только сейчас почувствовал, что во мне что-то есть. Что-то зашевелилось. Смотрю на закат и – люблю. Смотрю в ночное небо и благоговею. Чувствую, неет, ребята, тут все неспроста. Вы мне своим Дарвином голову не заморочите. Мелковатая теория. Для тех, кто боится остановиться. Знаешь, у Кинга есть рассказ-антиутопия. Там в будущем придумали шоу: набирают добровольцев, которые должны просто идти по заданному маршруту. Быстрым шагом. Отстал, снизил темп, упал – расстрел на месте. Выигрывает тот, кто остался последним. Ему – все, что он хочет! Если, конечно, захочет. Сильная вещь, люблю Кинга. Так и мы с тобой участвовали в этом шоу. А ты видела хоть одного счастливого победителя?

– Зато я видела множество несчастных, убогих, озлобленных неудачников, которые сидят на обочине и кусают локти.

Чем это лучше?

– Да, но ты не видела, тех, кто сошел с маршрута, сбежал!

– Олег, а кто их видел? Ты сам то уверен, что они нашли, что искали? Может быть их давно волки съели. Или саблезубые тигры. И потом, бежать удобно одному. А когда на руках родители, дочка? Может быть, ты просто устал? Тебе отдохнуть надо?

– Может быть... Ни черта не может быть!! Опять это песня! Нет, я точно помню, что под звездным небом я ощутил то, что из меня уже не вытравишь пустой болтовней. Было! Было! То, что я искал все эти годы, всю жизнь! Счастье! Я так долго искал его, а оно пришло само. Пусть на один только час, но я понял в эти минуты больше, чем за все университетские годы. Ничто не мешает мне любить. И никто не может мне этого запретить. Я и тебя люблю. И жалею. Я теперь всех жалею. Правда. И чувствую, что мне надо обязательно что-то успеть. Пойми, Майя, я за десять лет потерял столько друзей, приятелей, знакомых, сколько раньше теряли только на войне. И что бы все оставалось как прежде? Что бы я сделал вид, что ничего не было? Но это же безумие! Было! Было! Ты всего не знаешь, а я помню и то, что за любые деньги готов забыть. Как Серега лежал в морге, вместо лица какое-то месиво, Танька, жена, стоит белая, как полотно, ничего не соображает.... Бурнаш... У него сестренка инвалид первой группы, обещал ей Красное море показать, его тамбовские так отметили, что родные не могли опознать.

Рома... разложился заживо за несколько дней... какая боль его мучила... Думаешь, я не помню, о чем они мечтали? О сказочных замках на Лазурном берегу, о пальмах на Майорке. Серега остров хотел себе купить в Тихом океане. И купил бы. Только сдох бы и там от тоски или от наркотиков. Я не могу закрыть на это глаза, поверь. Пытался. Так я устроен. Вижу то, что есть. И вижу, что есть люди, которые живут по другим законам. Хочу понять их. Неужели тебе самой не хочется?

– У меня есть Яна.

– Брось! Завтра Яна задаст тебе те же вопросы, а тебе ответить на них будет нечего.

– Давай закурим? – предложила Майя – помнишь, как раньше? Прямо в постели? После хорошего траха?

Я сбегал за сигаретами и пепельницей, открыл окно и мы задымили, наслаждаясь собственным хулиганством.

– У тебя много осталось?

– На старость хватит. Если доживу. Вопрос – как... Знаешь, у меня нет, как у вас, евреев, этой уверенности, что работать надо не покладая рук, откладывая копеечку к копеечке. Что земные дела вообще имеют большой смысл. Я и раньше хотел поставить ногу на грудь поверженному врагу сильнее, чем заработать. Победить! Прославиться! Преодолеть! Спасти весь мир, а если не удастся – весь мир уничтожить! Мы когда с Серегой начинали, думал – вот оно! Настоящее дело. Риск и мужество. Бесконечная битва. Деньги

рекой! Фанфары – туш! А тут Ты – вся в красном! Очень хорошо помню нашу первую встречу. Стоит такая, с огромными еврейскими глазами, в которых читалась мудрость веков, с прекрасным английским, с папой, который легко цитирует Шекспира... что еще надо, чтобы мальчик с улицы Народной потерял голову? Айвенго и Ревекка 20 века. Хотел добыть тебе царскую корону. А добыл... сама помнишь, как прятались по дешевым гостиницам, съемным квартирам, как прогибались перед адвокатами... Разве об этом мечтал рыцарь?

– О чем же теперь мечтает рыцарь?

И тогда я рассказал про Лизу. Сначала ведь не хотел говорить и вдруг прорвало. Пожалуй, я даже сгустил краски. Почему-то легче было признать, что вся эта история – чистая авантюра, а я – последний дурак. Ключите дурака! Но, к моему удивлению, Майя отнеслась к рассказу серьезно. Переспросила подробности, замолчала надолго.

– Да, похоже ты и в самом деле чего-то понял в жизни – наконец промолвила она задумчиво – хорошая сестренка у Янки народилась. Шучу! Хотя, знаешь, в Европе сейчас модно усыновлять детей. И даже подростков. Впрочем, я особо не удивлена. Ты всегда был таким... не от мира сего. За это, впрочем, я тебя и любила.

– Любила? А сейчас?

– А это будет зависеть от того, как ты сейчас будешь стараться. Помнишь еще мои маленькие слабости? Только сначала я сбегая в ванну.

13 глава

Майя захватила меня властно и бесцеремонно. Мы ездили с ней в магазины, ходили в Эрмитаж, были в Петродворце, Пушкине, Гатчине. Скатались и в ее любимое Комарово, к могиле Ахматовой, но прежде заехали в Солнечное и искупались в заливе. В прохладной, зеленой воде. Волна была приличная и я нахлебался зеленых, вонючих водорослей до изжоги. Майя была в восторге.

– Обожаю наш залив. Смотри – я вся зеленая! Ужас! А дно хорошее. Еще бы кабинок поставить. Кафешки бы тоже не помешали. Долго думаете, ребята. Отдайте в частные руки и все будет! А помнишь, как гуляли тут в апреле? Солнце уже печет, а на песке глыбы льда. И у берега ледяная кромка, а за ней черная гладь и ослепительные блики! Нигде так не понимают весну, как у нас, можешь мне поверить. И солнце любят по-настоящему только у нас. Ну, быть может еще в Норвегии.

Оставив под невысокими сосенками на земле полотенца, мы с удовольствием прогулялись по пляжу. Народу было немало. В красном купальнике-бикини Майя была настоящей, благоухающей женскими гормонами и феромонами, сочной секс-бомбой, на которую открыто заглядывались мужики, а тетки недовольно отворачивали взоры. Я и сам смотрел на нее с открытым вождением. Она заметила это и от-

крыто позировала, принимая академические позы: твоя, любишься, можешь даже потрогать.

Ночью мы доходили с ней до полного бесстыдства, сменив за неделю уже три простыни. Я не припомню, чтоб мы в молодости были способны на такое. Раньше мне мешал стыд. Раньше я был мачо, который каждую ночь доказывал себе и жене, что он самый крутой самец в мире, теперь я просто хотел ее и был похож на обжору, которому диетологи сообщили после долгого воздержания, что сладкое, оказывается, полезно и его можно жрать без ограничений.

– Тайм-аут! – не выдержал как-то под утро я, упав на спину и распахнув руки – больше не могу.

– Отдохни. Только недолго. Я хочу еще.

– Как же ты обходишься без этого на чужбине?

– Работаю как вол. Да и научилась... обходиться подручными средствами. Дурное дело не хитрое. Теперь надолго хватит, ты еще не потерял форму, молодец.

– Это ты молодец. Мертвого разбудишь.

– Олежек...

– Да...

– Ты сказал – помнишь? – что жалеешь меня. Сильно?

– Да...

– Правда? Сильно-пресильно? И выполнишь мою просьбу? Поклянись!

– Ну... клянусь, лиса ты этакая.

– Тогда прости меня. Прости за то, что убежала. Я испу-

галась. За Янку, за себя. Ты же помнишь, что случилось. Дефолт, бардак полный, люди озверели, чуть ли не гражданская война... Я другого выхода не видела: бежать без оглядки куда угодно, лишь бы подальше от этой страны. А ты уперся. Разозлилась я тогда. Думала, что ты размазня, прости. Ты не подумай, что мы плохо устроились в Барселоне, нет! Все в порядке. Только папа недавно сказал мне вдруг, когда мы гуляли с ним по Рамбла: «Подумай, доча, хорошенько, еще есть время. Ты загрустила, я же вижу. Выбор есть. Или эта милая улица, которую ты любишь, или – Россия. Тут – финиш, там старт. Тут два километра под платанами, там – целый континент». Просто в душу мне заглянул... У вас перемены – Путин. В Европе о нем столько разговоров... Порядок вроде приходит. Перспективы появились... Да и тебя как увидела, поняла... Только не вздумай смеяться: люблю я тебя. По-прежнему люблю. За эти березки дурацкие, за Лизку эту твою ненормальную, за то, что мечтаешь до сих пор, как дурак... Прости меня, я что-то...

Майя всхлипнула. До сих пор я видел ее плачущую только от счастья.

– А если не простишь, то хотя бы пожалей... как эту Лизу твою... ненормальную.

Одна моя знакомая как-то сказала, что ей нравится афоризм: «Брак – это заговор двоих против всего остального мира». В эту минуту я почувствовал, что мы с Майей действительно стоим один на один со всем огромным миром. Спина

к спине, попа к попе и хоть впереди нас ждет беспощадный бой с надвигающейся темной ратью – было не так страшно, как раньше.

14 глава

Незаметно пролетели дни. Провожал я Майю в аэропорт в конце августа. Всю дорогу мы щебетали о разных пустяках, а в зале ожидания взгрустнулось. В буфете выпили кофе.

– Так ты когда поедешь за своей Лизой? – спросила Майя, не глядя на меня и помешивая в пустой чашечке ложкой.

– Завтра и отправлюсь. Я ведь обещал через неделю. И вдруг – ты.

– Недоволен?

– Ты же знаешь, что это не так.

– Скучать будешь?

– Уже. А ты?

Она подняла голову и посмотрела на меня так, как будто мучительно искала ответ на мучавший ее вопрос.

– Не хочу быть банальной, но, надеюсь, ты помнишь, что мы в ответе....

– ...За тех, кого приучили. Помню, Майя. Трудно забыть, когда берешься за такое...

Прощальный поцелуй был долгим. Долгой и грустной была дорога к дому.

Уезжал я в деревню на следующий день. Всю дорогу моросил дождь, но при подъезде к Острову просветлело и сразу стало ясно, что осень близко. Я притормозил на повороте к деревне и вышел размяться. Низкое солнце заливало

мокрые, пожухлые поля прохладным, погребальным светом. Темная листва на кустах неряшливо свисала. Глядя на нее, возникали мысли о сопревшей, неприятно мокрой одежде на плечах и хлюпающих сапогах. Аисты уже улетели, вороны и галки кружились над заброшенными колхозным амбаром. Мимо с ревом проносились большегрузы. Я волновался и выкурил две сигареты прежде, чем сесть в машину.

Ленкин дом был закрыт. Я нашел ключ в условленном месте и отпер дверь. В избе было прохладно и сыро. На столе в гостиной лежала записка. Сестра сообщала, что ее срочно вызвали в школу и что она не знает, когда вернется. Я затопил печь, наскоро перекусил, переоделся, натянул оставшиеся от дяди резиновые сапоги и пешком отправился в Кузьмино.

Сначала я решил навестить отца Георгия. Я нашел его в саду. Увидев меня, он вспыхнул радостной улыбкой, которая, впрочем, тут же погасла. Мы обнялись и присели на скамейку.

– Вот, отец Георгий, приехал. Раньше не мог. Жена приехала. Дела навалились. Как Вы? Как... Лиза? Я ведь работу ей нашел, представляете? Жилье!

– Лиза... – Георгий Семенович побряхтел, растерянно оглянулся вокруг и повесил голову – ну, да все равно скоро все узнаете...

– Случилось что?

– Случилось.

– Что? Заболела? Или... что?! Не томите душу, отец Георгий!

– Слава Богу жива. И здорова. Уехала она, Олег. Позавчера.

– Ку...куда уехала? Зачем?

– Куда-то в Москву. С Яшей. Вот так вот....

Новость была настолько ошеломительно-неожиданной, что я потерял дар речи и только моргал глазами.

– С Яшкой... растерянно пробормотал я. – Но ведь это невозможно. Он что, силой ее увез? Вы в милицию обращались? А бабушка? А мама?!

– Подробностей не знаю. Знаю только, что встречались они перед этим, и не один раз. Он к Николаю, соседу приезжал. А позавчера приехал на машине с раннего утра, загрузили вещички и уехали. Бабушка Авдотья приходила, плачет: в Москву, говорит, уехали. Да... в Москву.

– Я... я...ничего не понимаю.

– Олег, я за эти три дня много чего передумал. А может быть оно и к лучшему? Может так надо? Вы уверены, что из Вас получился бы хороший учитель?

– Черт! Не уверен. Зато из Яши получится хороший... су-тенер. В этом я уверен. Черт, черт, черт!

– Она ждала Вас -нахмурившись, произнес отец Георгий – Заходила ко мне, мы разговаривали. Жаловалась, что вас нет и нет. Спрашивала нет ли у меня от Вас весточки. Скучала. Говорила, что Вы обещали устроить ее, что у Вас свя-

зи, что она непременно станет мисс- чего-то там и вернется в деревню на белом мерседесе. Шутила, конечно. Хотя, по-моему она верит в свое призвание всерьез. А последний раз была грустная. Сидела вот тут вот, где Вы сидите, поникла вся. «Дядя Георгий, от Олега ничего нет?» Откуда, мол, телефона нет, писем не писал. Вздыхала. «Дядя Георгий, а Вы как думаете, вернется? Он обещал. Я верю ему, а Вы?». Раз обещал, говорю, вернется, дела, наверное, навалились, мало ли что... Потерпи. «Терплю. Только уж мочи нет... мамка как с цепи сорвалась, грозитя какими-то судами, что заявление на него напишет, сдурела совсем. У нее, по-моему, белая горячка. Бабушка тоже против. Как они меня достали! Все против, а сами ничего не могут! Яков тот хотя бы обещает чего-то...». И ты веришь?» – спрашиваю. «А кому мне еще верить? Вот, Олегу поверила, а он пропал! И адреса не оставил. Что я должна думать?»»

Георгий Семенович вдруг глянул на меня и смутился.

– Олег, Вы не обижайтесь, я без всякого намека, я просто рассказываю... Знаю, что Вы ни в чем не виноваты, просто, просто...

– Просто я опять в полном дерьме – заключил я и достал сигареты – Ехал сюда, думал всю дорогу, как начну новую жизнь. Вот, думаю, указующий перст судьбы: Лиза! Помогу бедной девочке, искуплю хоть один тяжкий грех. Выходит, не принимает Бог моих усилий? Я что, проклят, отец Георгий?

– Не говорите так! – отец Георгий замахал руками – Нельзя так говорить.

– Не буду – покорно сказал я, склонившись – Только дайте мне время, чтоб очухаться. Такое ощущение, как будто под дых получил... Нокаут. Начинайте отсчет.

– Олег – после продолжительной паузы неуверенно произнес отец Георгий – я понимаю, словами сейчас не поможешь... и все-таки: положитесь на волю Божию. Правда! Мы, человеки, многое не понимаем в собственной судьбе. Просим о спасении, а не видим протянутой руки. Волим: «Господи, помоги!», а он несет нас на руках. Доверьтесь Ему. Я уверен, что Ваша встреча с Лизой не случайна. У Вас все теперь станет по-другому. Да, да! Верю! К прошлому Вы не вернетесь, а это уже победа. Ну, а будущее... начните его прямо сейчас. Вот прямо в эту минуту. Что мешает? Просто скажите: да, Господи!

– Да, Господи. – пробормотал я, поднимаясь. – Спасибо, Георгий Семенович! Пойду я...

Зашел я в первую очередь к бабке Авдотье, но и ее не было дома. На дверях висел хилый замок. Сосед Николай сидел, нахохлившись, возле трактора, но думал явно не о нем. Увидев меня, он испуганно встрепенулся. Я протянул ему руку, присел рядом на чурбан, достал сигареты.

– Американские – уважительно произнес Коля – осторожно вытягивая одну из пачки и нюхая ее – Мальборо? Уважаю. А я тут на махру чуть не перешел, даже вишневый лист

пробовал.

– Ну? – спросил я, попустив эти слова мимо ушей.

Коля вздохнул.

– Уехали они.

– Знаю.

– Обидел ты его. Здорово. Сначала все грозился, что убьет. Из Опочки обещал целый табор пригнать. Потом, видать остыл маленько, а может шепнули ему про тебя знающие люди. Остыл. А Лизку он не силком увез. Она сама с ним уехала. Я присутствовал. Только тихая была. Стояла на крыльце, ждала, когда мы загрузимся. Бабка Авдотья правда плакала, как на кладбище. Я даже помню спросил Лизку: а как же, мол, Олег-то? Приедет если – что сказать-то? А она плечами пожала, а потом мне протягивает... постой-ка, я же не выбросил.

Он вскочил и сбежал в избу. Вернувшись, протянул мне кассету.

– Вот, просила передать. Я бы послушал, да аппарата нету. Загнулся еще в прошлом тысячелетии.

Шутка показалась ему забавной, и он рассмеялся. Я забрал кассету, оставил довольному Коле пачку с сигаретами и отправился домой. В машине поставил кассету и включил звук. Это была Буланова. Случайно ли или специально, но заиграла ее любимая песня «Не плачь». Я и пытался. Но это было невозможно. Я плакал как ребенок, благо никто не видел. Что удивительно: плакал я скорее по себе. И вспоми-

нал я Серегу, и как мы делили с ним последние ложки пшенной, ароматной каши из котелка в походе, и как Майя как-то ранним утром в постели призналась мне на ухо, что понесла и теперь все будет по-другому, и как в Пушкинских Горах мама выгуливала нас с сестрой по земляничным полянам, а потом как я рассказывал Лизе об этом и мне казалось, что счастье вот-вот появится из-за туч во всем своем радостном блеске... Я прощался. Теперь я понял, что действительно прощался с прошлым. Дорога кончилась. Впереди была развилка. И на развилке стояла худенькая, белобрысая девчонка с расцарапанными коленями. Она улыбалась. Она улыбалась!

Тогда я достал телефон и набрал номер. Отразившись от космического спутника мой сигнал воткнулся в крошечный аппарат на другом конце континента, в городе Барселоне, и аппарат зазвонил.

– Да? – раздался женский голос.

– Приезжай – сказал я, и добавил торопливо – ...те!

Молчание было недолгим. И голос радостно ответил.

– Да!

Он выглядел моложе, чем я думал.

Сестра охала как узнала. Поехали с Лизой к матери. Я буду учиться! Я стану леди! Избил Яшку. Уехал в Питер делать дела. Жена навестила: споры о жизни... Приехал, а там...

Вечером: вспомнил былое и временами всплывает

Приехали за ответкой, а он ей деньги передал она убила яшку? А он взял на себя?